

ЭМФИРИО

The image is a movie poster for 'Empire of the Sun'. It features a futuristic space station with ornate, golden-brown metallic structures. A person is standing on a balcony of the station, looking out over the Earth. Two spaceships are flying in the sky, leaving bright trails. The Earth is shown in a curved perspective, with blue oceans and green landmasses. The overall color palette is dominated by gold, brown, and blue.

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Эмфирио

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Эмфирио / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851541-5

Хальма — планета, вечно окутанная тайной эпического сказания о герое древности Эмфирио. В отжившей свой век феодальной системе только всемогущие лорды контролируют экспорт произведений местных ремесленников. От своего отца, Амианте, Гил Тарвок узнаёт, что вопиющая несправедливость устройства общества на Хальме может быть устранена и что залогом ее устранения может послужить древняя легенда. После того как Амианте погибает, Гил отправляется на поиски правды, заложенной в истории Эмфирио.

ISBN 978-5-44-851541-5

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эмфирио

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-1541-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В камере под крышей башни находились шестеро: трое, предпочитавшие называться «лордами» (а в некоторых случаях «исправителями»), жалкий арестант-простолоудин и два гарриона. В атмосфере неправильной призмы помещения, обитого по стенам плотным каштановым бархатом, было нечто извращенно мелодраматическое. Сквозь окно-амбразуру пробивалась полоска света – дымчато-янтарного, как если бы стекло покрылось пылью, что не соответствовало действительности: стекло это, прозрачное до незаметности, производило достопримечательные эффекты. Напротив окна темнела низкая трапециевидная дверь из черного скиля.

Потерявший сознание арестант полулежал в кандалах на сложносочлененной дыбе. Верхнюю часть его черепа удалили, а обнаженный мозг покрыли желтым слоистым студнем. Над дыбой нависла черная капсула – всего лишь приспособление из стекла и металла, замораживающее, однако, своей уродливостью. Из брюха капсулы выступали бородавки двенадцати проекторов; каждый испускал дрожащую нить излучения, погружавшуюся в студень.

Арестант, светлокожий молодой человек, не отличался выдающейся внешностью. На бритом затылке пробивались рыжевато-коричневые волосы. Широкие лоб и скулы, туповатый нос, мягкий чувственный рот и заостренная челюсть, сходящаяся к маленькому крепкому подбородку, придавали его лицу выражение простодушной непрактичности. Лорды (устаревший титул «исправители» теперь употреблялся редко) мало походили на узника. Двое, долгопяые и худощавые, с отливающей свинцовым блеском кожей, длинными тонкими носами и сурово поджатыми губами, коротко стригли и намащивали бальзамом глянцево-черные волосы. Третий – постарше, потяжелее, с нездоровым пурпурным наливом лукавого и хищного лица – вперил в узника неподвижно горящий взор. Лорд Фрей и лорд Фантон относились к происходившему с надменной брезгливостью. Гранд-лорд Дугальд, владелец Буамарка, казался хронически раздраженным. Все трое, представители сословия, знаменитого безудержными кутежами, производили, тем не менее, впечатление угрюмых субъектов, лишенных чувства юмора, неспособных к принужденности и веселью.

Два гарриона – мускулистые массивные андроморфы с темной лилово-коричневой кожей – держались поодаль, в глубине камеры. В черных матовых полушариях их стекловидных глаз поблескивали искорки; их неподвижные лица обрамляли, напоподобие бакенбард, редкие пучки черной шерсти.

Лорды, в элегантных черных костюмах, носили береты из ажурной серебряной сетки, скрепленной полудрагоценными камнями. Гаррионы обходились черной кожаной сбруей и передниками цвета дубленой кожи.

Подойдя к пульту управления, Фрей пояснял функции инквизиционного механизма: «Прежде всего – период сопряжения; каждый пучок излучения находит соответствующий синапс. Когда прекращаются контактные вспышки (а теперь наступает именно такой момент) и совпадают индикаторы, – Фрей указал на две встречные черные стрелки, – испытуемый становится ничем: примитивным животным, полипом с остаточными мышечными рефлексам».

«Компьютер классифицирует нейронные цепи в зависимости от распространенности и сложности перекрестных связей, относя их к семи категориям, – продолжал лорд Фрей, приглядываясь к желтому студню, где сканирующие лучи уже не вызывали беглое перемигивание вспышек. – Теперь мозг подразделен на семь доменов. Подопытный приводится в требуемое состояние посредством отмены контроля над теми или иными доменами и, по мере необходимости, подавления других. Так как лорд Дугальд не предусматривает реабилитацию...»

«Это пират – он подлежит изгнанию», – сухо произнес Фантон.

«...мы будем поочередно высвобождать один домен за другим, пока подопытный не предоставит всю информацию, интересующую лорда Дугальда. Хотя, должен признаться, побуждения гранд-лорда выходят за рамки моей компетенции», – Фрей покосился на Дугальда, проверяя его реакцию.

«Мои побуждения обоснованы, – отозвался Дугальд, – и, даже если вы не догадываетесь о сути происходящего, имеют к вам самое непосредственное отношение. Приступайте».

Ответив лаконичным утонченным жестом, Фрей прикоснулся к первому из семи переключателей. На желтом экране появилось бесформенное, судорожно пульсирующее черное пятно. Фрей пробежался пальцами по ручкам настройки: пятно стало более устойчивым и съезжилось в кружок величиной с монету, подрагивающий в такт сокращениям сердца узника. Молодой человек захрипел, застонал, слегка напрягся в путах. С быстротой и точностью, изобличившими немалый практический опыт, Фрей наложил на темный индикатор напоминающую мишень пиктограмму концентрических окружностей и снова отрегулировал приборы.

Помутневшие глаза юноши прояснились. Он увидел лорда Фрея и лорда Дугальда – черный кружок на экране вздрогнул. Узник увидел гаррионов – кружок расплылся. Узник повернул голову и посмотрел на небо через амбразуру. Солнце опускалось к западному горизонту. Благодаря любопытным оптическим свойствам стекла оно выглядело, как бледно-серый диск, окруженный розово-зеленым ореолом. Черный кружок на экране поколебался и постепенно уменьшился в диаметре.

«Первая фаза, – объявил лорд Фрей. – Генетические реакции восстановлены. Вы заметили, какую тревогу у него вызвали гаррионы?»

«Разумеется, – прокаркал старый лорд Дугальд. – Гаррионы несовместимы с его происхождением».

«Почему же, в таком случае, индикатор зарегистрировал сходную реакцию, когда подопытный заметил нас?» – холодно полюбопытствовал Фрей.

«Почему нет? – буркнул лорд Дугальд. – Мы разной крови».

«Бесспорно, – отозвался Фрей. – Поколения рождаются и умирают, а природа вещей не меняется. Солнце, однако, служит безошибочно распознаваемым символом, точкой отсчета в психической системе координат. Оно оказывает мощное воздействие».

Фрей повернул другой переключатель. Темный кружок разбился на фрагменты. Молодой человек что-то пробормотал, дернулся, застыл в напряжении. Вращая ручки настройки, Фрей снова заставил индикатор сжаться в круглое черное пятнышко, после чего слегка переместил движок стимулятора, постукивая по нему ногтем. Молодой человек молча висел на дыбе. Глаза его блуждали по камере – он взглянул на лорда Фрея, на лорда Дугальда, на гаррионов, на свои ноги. Черный кружок оставался на месте, форма его не менялась.

«Вторая фаза, – сообщил Фрей. – Подопытный распознает объекты, но неспособен их соотносить. Он воспринимает действительность, однако к нему еще не вернулось сознание. Он не понимает разницу между собой и окружающим миром. Для него все едино: вещи и эмоциональное содержание вещей тождественны. С интересующей нас точки зрения это состояние бесполезно. Перейдем к третьей стадии».

Инквизитор повернул третий переключатель: маленький черный кружок расширился и поблек. Фрей снова занялся настройкой и превратил индикатор в яркое плотное пятнышко. Молодой человек выпрямился на дыбе, посмотрел на кандалы, стискивающие его кисти и лодыжки, перевел взгляд на Фантона, потом на Дугальда. Фрей обратился к нему холодным, ясным голосом: «Кто ты?»

Молодой человек нахмурился, облизал губы и проговорил голосом, исходившим, казалось, издалека: «Эмфирио».

Фрей коротко кивнул. Дугальд с удивлением обернулся к нему: «Что это значит?»

«Инородная связь, глубоко залегающее отождествление – не более того. Неожиданности неизбежны».

«Разве он не вынужден давать точные ответы?»

«Точные? Да, в той мере, в какой это допускается его представлениями и опытом, – в голосе Фрея появилась неприязненная сухость. – Не рассчитывайте услышать от него формулировки универсальных истин – если таковые существуют». Фрей снова повернулся к молодому человеку: «Как тебя нарекли после рождения?»

«Гил Тарвок».

Фрей отрывисто кивнул: «Кто я такой?»

«Лорд».

«Где ты находишься?»

«В обители над Амброем».

Фрей обратился к Дугальду: «Теперь он может соотносить восприятие с памятью и давать качественные определения. Но сознание еще не вернулось. Если бы он подлежал реабилитации, начинать следовало бы на этом уровне, обеспечивающем беспрепятственный доступ ко всем ассоциативным связям. Теперь – четвертая фаза».

Фрей повернул четвертый переключатель, произвел настройку. Лицо Гила Тарвока сморщилось от напряжения – он пытался вырваться из широких ручных и ножных браслетов.

«Теперь подопытный способен качественно оценивать реальность. Он прослеживает взаимосвязи, делает сравнения, выводы. В каком-то смысле он понимает, что с ним происходит, но это еще нельзя назвать сознанием. В случае реабилитации на этом уровне потребовалась бы дополнительная коррекция. Перейдем к пятой фазе».

Регулировка пятой фазы завершилась. Гил Тарвок испуганно переводил глаза с Фрея на Дугальда, с Фантона на гаррионов. «К нему вернулось восприятие масштаба времени, – комментировал Фрей. – Приложив значительное усилие, он мог бы сформулировать то или иное утверждение, объективное и лишённое эмоциональной окраски – обнаженный каркас истины, если можно так выразиться. В некоторых ситуациях такое состояние желательно, но сегодня оно не позволит что-либо узнать. Испытуемый неспособен принимать решения, а это препятствует связному изложению мыслей, каковое по сути дела является непрерывным процессом принятия решений – выбора синонимов, сравнительных степеней, синтаксических построений. На очереди шестая фаза».

Лорд повернул шестой переключатель. Кружок индикатора на экране бесшумно разлетелся во все стороны черными брызгами. Фрей озадаченно отпрянул от пульта. Гил Тарвок издавал дикие крики и скрипел зубами, напрягая жилы, чтобы вырваться из пут. Фрей поспешно схватился за ручки настройки и, внимательно следя за перемещениями извивающихся темных червячков, мало-помалу собрал их в одно неравномерно пульсирующее пятно. Тяжело дыша, Гил Тарвок висел на дыбе, с отвращением глядя на исправителей.

«Ну что же, Гил Тарвок, – произнес Фрей, – каково теперь твое представление о себе?»

Переводя упрямый взгляд с одного мучителя на другого, молодой человек ничего не ответил.

Дугальд брезгливо отступил на полшага: «Он будет говорить?»

«Он все расскажет, – заверил Фрей. – Заметьте: подопытный в сознании и полностью контролирует свои действия».

«Хотел бы я знать, догадывается ли он...», – пробормотал Дугальд. С подозрением покосившись сначала на Фантона, потом на Фрея, гранд-лорд напомнил: «Имейте в виду – вопросы задаю только я!»

Фантон раздраженно поднял брови: «Можно подумать, что существует некая запретная тайна, известная только вам и этому холопу».

«Можете думать все, что заблагорассудится, – отрезал Дугальд. – Не забывайте о моих полномочиях!»

«Разве о них можно забыть?» – Фантон отвернулся.

Дугальд сказал ему в спину: «Желаете занять мое место? Милости прошу! Но вся ответственность, в таком случае, ляжет на вас!»

Фантон повернулся лицом к Дугальду: «Я не домогаюсь ваших прерогатив. Учитывайте, тем не менее, кому эта строптивая тварь нанесла наибольший ущерб!»

«Вам, мне, Фрею, каждому из нас! Какая разница? Разве вы не слышали? Он назвал себя „Эмфирио“!»

Фантон пожал плечами.

Фрей беззаботно заметил: «Что ж, вернемся к Гилу Тарвоку! Его все еще нельзя назвать цельной личностью. Ему недостает возможности использования мгновенно перестраиваемой структуры свободных ассоциаций. Ему недоступно спонтанное мышление. Он не может притворяться, потому что не может творить. Не может надеяться, не может планировать – и, следовательно, лишен всякой воли. Таким образом, теперь мы услышим правду». Фрей уселся на обитую мягкой кожей скамью и включил записывающий аппарат.

Дугальд выступил вперед и встал, широко расставив ноги, перед узником: «Гил Тарвок, мы желаем узнать историю твоих преступлений».

Фрей ехидно вмешался: «Я порекомендовал бы задавать вопросы более конкретного характера».

«О, нет! – откликнулся Дугальд. – Вы не понимаете, что от него требуется».

«В таком случае лучше формулируйте свои требования», – с прежней ядовитой вежливостью заметил Фрей.

Гил Тарвок неловко ерзал на дыбе, пытаясь вывернуться из браслетов. Он капризно пожаловался: «Снимите с меня кандалы, так будет удобнее».

«Кому какое дело, удобно тебе или нет? – рявкнул Дугальд. – В любом случае тебе предстоит изгнание в Борредель. Говори!»

Гил Тарвок снова попробовал вытащить руки из браслетов, но вскоре расслабился и уставился неподвижным взглядом в стену за спинами лордов: «Не знаю, о чем говорить».

«Именно так, – пробормотал Фрей. – В том-то и дело».

«О том, что тебя побудило к совершению отвратительных преступлений!»

«Я помню целую жизнь, полную событий. Рассказать вам всю мою жизнь?»

«Предпочел бы, чтобы ты ограничился существом дела», – сказал Дугальд.

Тарвок наморщил лоб: «Освободите мой мозг, чтобы я мог думать».

Дугальд с возмущением уставился на Фрея. Фантон рассмеялся: «Лишен всякой воли? Как бы не так!»

Фрей погладил продолговатый подбородок: «Подозреваю, что это пожелание – следствие чисто логического умозаключения и не носит эмоционального характера». Он обратился к Тарвоку: «Не так ли?»

Узник кивнул.

Фрей едва заметно улыбнулся: «После подключения седьмого домена ты сможешь искажать факты».

«У меня нет никакого желания притворяться. Напротив, я хотел бы, чтобы вы узнали всю правду».

Фрей подошел к пульта и повернул седьмой переключатель. Кружок индикатора рассеялся туманом черных капель. Гил Тарвок издал мучительный стон. Фрей занялся приборами – капли начали стекаться. В конце концов пятно на экране приобрело прежние размеры.

Тарвок молча висел на дыбе. Наконец он сказал: «А теперь вы меня убьете».

«Конечно. Разве ты заслуживаешь лучшего?»

«Заслуживаю».

Фантон не выдержал: «Зачем же ты причинил столько зла тем, кто не сделал тебе ничего плохого? Зачем? Говори! Зачем?»

«Зачем? – закричал в ответ Гил Тарвок. – Затем, что я хотел чего-то добиться! Хотел, чтобы жизнь не прошла даром, хотел оставить след во времени и пространстве! Разве справедливо, что человек рождается, живет и умирает без последствий, как стебель травы на холмах Данкума?»

Фантон горько рассмеялся: «Чем ты лучше других? Я тоже проживу свою жизнь и умру, ничего не изменив во Вселенной. И никто не запомнит ни тебя, ни меня».

«Каждому свое. Я – это я! – заявил Гил Тарвок. – Меня такое положение вещей не устраивает».

«У тебя есть все основания для недовольства, – мрачно усмехнулся лорд Дугальд. – Через три часа тебя изгонят, и ты замолчишь навсегда. Говори же. Пользуйся последней возможностью».

Глава 2

Гил Тарвок впервые заглянул в лицо судьбе, когда ему исполнилось семь лет. По случаю дня рождения отец привел его на представление странствующего театра. Обычно рассеянный и отстраненный, на этот раз отец почему-то не забыл о знаменательной дате, и они отправились на ярмарку пешком. Гил предпочел бы проехаться в капсуле Обертренда, но Амианте, по непонятным Гилу причинам, отказал ему в таком удовольствии, и они побрели на север по улицам старого Вашмонтского района мимо решетчатых каркасов дюжины башен, поддерживающих поднебесные обители лордов. Через некоторое время они оказались на северном пустыре Восточного посада, где разбили веселые шатры «Перипатетические аттракционы» Шпанбруса.

Плакат на ротонде гласил: «Чудеса Вселенной! Полная приключений, но безопасная, дешевая и комфортабельная экскурсия – редкая возможность познакомиться с пленительными и поучительными зрелищами шестнадцати миров, воссозданными с мастерством и пристрастием!» Предлагались также представления труппы живых дамарских марионеток, диорама, иллюстрирующая самые примечательные события из истории Хальмы, ксенопарк инопланетных существ, их чучел и симулякров, комический балет «Ниэйзери», салон чтения мыслей, где выступал таинственный землянин по имени Падух, игровые стойла, передвижные прилавки торговцев закусками и напитками, лотки с мишурой и сувенирами.

Гил вертел головой и спотыкался, заглядываясь то на одно, то на другое диво, в то время как Амианте с терпеливым безразличием протискивался через толпу. Толпа состояла главным образом из амбройских иждивенцев, хотя встречались и простолюдины с окраин Фортинона, а также, гораздо реже, приезжие специалисты из Борределя, Сожа и Клоста; иностранцев можно было распознать по кокардам, позволявшим временно получать талоны на социобеспечение. Время от времени попадались гаррионы – карикатурные твари в человеческих ливреях; их присутствие однозначно свидетельствовало о том, что в толпу простонародья затесались переодетые лорды.

Прежде всего Гил и Амианте посетили ротонду, чтобы испытать суррогат путешествия по инопланетным просторам. Им показали Птичью битву при Слоо на Мадуре, аммиачные бури Файяна, загадочно манящие дали Пяти Миров. Гил непонимающе взирал на странные картины, проплывавшие перед глазами – чересчур незнакомые, чересчур гигантские, порой чересчур дикие для восприятия. Амианте смотрел на ландшафты далеких планет с едва заметной улыбкой иронического сожаления. Таким, как Амианте, дорога в космос была закрыта – никогда ему не удалось бы накопить талоны даже на трехдневную экскурсию по Дамару. Прекрасно это понимая, он, по-видимому, оставил всякую надежду вырваться из Фортинона.

Покинув ротонду, они прогулялись по павильону голографических диорам, запечатлевших легендарных любовников прошлого – лорда Гутмора с Горной Дикаркой, Медье и Эстаза, Джеруну и Джерана, Урсу Горгонью и Лядати Метаморфа, дюжину других парочек в колоритных старинных костюмах. Гил непрерывно задавал вопросы, но Амианте по большей части уклонялся, отделяваясь поверхностными замечаниями: «История Хальмы уходит корнями в незапамятные времена и чрезвычайно запутана; достаточно сказать, что все эти нарядные фигуры – персонажи легенд и небылиц».

Из павильона Амианте и Гил перешли в кукольный театр,¹ где плясали и кувыркались, носились по сцене, щебетали и пели карликовые существа в масках, представлявшие пьесу под

¹ Законы не только Фортинона, но и всего Северного континента запрещали импорт и синтез разумных существ с тем, чтобы препятствовать нежелательному увеличению числа иждивенцев. Дамаряне (аборигены луны Дамар) занимались выращиванием миниатюрных созданий, кротких и понятливых, даже смысленых, с мохнатыми черными головами и черными глазками, разделенными клювом. В той мере, в какой существа эти использовались исключительно в качестве театральных марионеток или живых домашних игрушек для барчуков, агенты Собеса смотрели на их присутствие сквозь пальцы.

названием «Добродетельная верность идеалам – надежный и скорейший путь к финансовой независимости». Как замороженный, Гил следил за перипетиями Марельвии, дочери простолюдина-волочильщика из Фёльгера, района металлистов, танцевавшей на улице и привлекавшей благосклонное внимание престарелого развратника лорда Бодбозла, могущественного владельца двадцати шести энергетических феодов. Старый Бодбозл соблазнял Марельвию резвыми комическими скачками, фейерверками и декламациями, но та отказывалась стать его фрейлиной, твердо настаивая на законном бракосочетании с нотариально заверенной безотзывной передачей в ее владение четырех отборных феодов. Бодбозл согласился, но с тем условием, что Марельвия сперва посетит его замок и пройдет курс обучения манерам, подобающим будущей леди, а также навыкам, необходимым для самостоятельного управления финансовыми активами. Доверчивую Марельвию умыкнули на гамаке-самолете в заоблачную обитель старого Бодбозла на высокой башне посреди Амброя, где похотливый магнат немедленно приступил к растлению невинной дочери пролетария. Марельвии пришлось претерпеть многочисленные и разнообразные злключения, но в последний момент, когда ничто уже, казалось, не могло предотвратить ее падение, из окна в светлицу прыгнул, сопровождаемый звонким каскадом осколков, юный возлюбленный Марельвии, Рудель, отважно взобравшийся по фермам и перекладинам древней башни. Мигом расправившись с дюжиной охранников-гаррионов, Рудель пригвоздил к стене хнычущего лорда, в то время как Марельвия исполнила злорадный торжествующий танец, сопровождающийся курбетами и сальто-мортале. Вынужденный спасать свою шкуру, Бодбозл уступил молодым людям шесть феодов в центре Амброя и космическую яхту в придачу. Счастливая парочка, финансово независимая и снятая с учета Собесом, весело отправилась в свадебное путешествие по Ойкумене, оставив с носом дряхлого лорда, кряхтящего и потирающего заслуженные синяки...

Зажглись люстры – начался антракт. Гил повернулся к отцу, надеясь, хотя и не ожидая, услышать его мнение. Амианте предпочитал держать свои мысли при себе. Уже в семилетнем возрасте Гил чувствовал, что суждения отца носили не общепринятый, почти недозволенный характер. Амианте – высокий и сильный человек – двигался медленно и осторожно, не затрачивая лишних усилий и поэтому не производя впечатление неповоротливости. Большая голова его, как правило, была задумчиво полуопущена, на широкоскулом бледном лице с маленьким подбородком и чувственным ртом часто блуждала печально-насмешливая улыбка. Амианте говорил мало и тихо, хотя Гилу приходилось слышать, как то или иное обыденное, казалось бы, обстоятельство вызывало у отца бурное словоизлияние, будто высвобождавшееся под давлением изнутри и внезапно обрывавшееся, иногда посреди незаконченной фразы. Но теперь Амианте молчал – Гилу оставалось только догадываться о его отношении к превратностям судьбы лорда Бодбозла.

Разглядывая публику, Гил заметил пару гаррионов в роскошных ливреях из сиреневых, алых и черных кожаных ремней. Охранники стояли в глубине зала у задней стены – человекоподобные нелюди, помесь насекомого, горгульи и обезьяны, неподвижные, но бдительные, с выпуклыми стекловидными глазами, не направленными ни на кого в частности, но следящими за всеми. Гил подтолкнул отца локтем: «Гаррионы пришли! Лорды тоже глазают на марионеток?»

Амианте бросил быстрый взгляд через плечо: «Барчуки развлекаются».

Гил изучал зрителей. Никто не напоминал лорда Бодбозла, никто не излучал того почти ощутимого ореола власти и финансовой независимости, который, по представлению Гила, должен был окружать владельцев общественных служб и сооружений. Гил хотел было спросить отца, кого из присутствующих он считает лордом, но придержал язык, предвидя, что Амианте ограничится безразличным пожатием плеч. Гил переводил взгляд с одного ряда кресел на другой, с лица на лицо. Неужели никакого лорда или барчука не возмутила оскорбительная пародия – Бодбозл? Никто, однако, не выражал недовольства... Гил потерял интерес

к этой проблеме. Может быть, безмолвные охранники посещали театр по своим соображениям, известным только им, гаррионам.

Антракт продолжался десять минут. Гил выскользнул из кресла и подошел к сцене, чтобы рассмотреть ее получше. Справа от авансены висела полотняная штора; Гил приподнял ее за край и заглянул внутрь. В полутемной каморке сидел, прихлебывая чай, маленький человечек в каштановом бархатном костюме. Гил обернулся в зал: Амианте, поглощенный внутренними видениями, забыл о нем. Гил нырнул в каморку и задвинул за собой штору. Теперь он робко стоял, готовый в любой момент выскочить наружу, если человеку в бархатном костюме придет в голову его схватить. Почему-то Гил подозревал, что марионетки – краденые дети, которых пороли, пока те не начинали петь и танцевать, точно выполняя приказания кукольника. Такое представление о театре придавало спектаклю очарование леденящего ужаса. Но старичок в каштановом бархате приветствовал появление Гиля вежливым кивком и, судя по всему, никого ловить не собирался. Осмелев, Гил подошел на пару шагов: «Вы – кукольник?»

«Так точно, парнишка – кукольник Холькервойд собственной персоной. Как видишь, кратковременно отдыхаю от трудов праведных».

Скрюченный дряхлый кукольник не походил на тирана, способного мучить и стегать ремнем похищенных детей. Снова набравшись храбрости, Гил – не понимая на самом деле, о чем он, собственно, говорит – спросил: «А вы... всамделишный?»

Холькервойду вопрос показался, по-видимому, вполне логичным: «Всамделишный, дружище, всамделишный! По меньшей мере настолько, насколько я испытываю в этом потребность. Хотя, по правде говоря, некоторые считают меня несущественным, даже эфемерным».

Гил почувствовал смысл ответа, хотя не разобрался в выражениях: «Вы, наверное, много ездите в разные места?»

«И то правда. Северный континент исколесил вдоль и поперек – в Салулу ездил, что по другую сторону Большой Бухты, и вдоль полуострова до самого Уантануа. И это только на Хальме».

«А я, кроме Амброя, нигде не был».

«У тебя все впереди».

«Да. Когда-нибудь я стану фи... финансонезависящим и полечу в космос. А на других планетах вы были?»

«О, всех не упомянешь! Я родился у далекой звезды – такой далекой, что в небе Хальмы ее не видно».

«А тогда почему вы здесь?»

«Знаешь, я частенько задаю себе тот же вопрос. И ответ всегда один и тот же: потому что я не в другом месте. В каком-то соображении гораздо больше смысла, чем кажется поначалу. Разве это не достойно удивления? Вот он я – и вот он ты. Подумай только! Если поразмыслить о размерах Галактики, невозможно не признать, что наша встреча – невероятное совпадение».

«Я не понимаю».

«Все очень просто! Предположим, что ты здесь, а я – в другом месте. Или я – здесь, а ты – в другом месте. Или же мы оба в других местах. Все эти три случая гораздо более вероятны, чем четвертый, заключающийся в том, что мы находимся в двух шагах друг от друга. Повторяю: поистине поразительное стечение обстоятельств! А некоторые осмеливаются утверждать, что времена чудес прошли и никогда не вернуться!»

Гил с сомнением кивнул: «Ваша история про лорда Бодбозла... мне она не очень понравилась».

«Даже так? – Холькервойд надулся. – И почему же?»

«Потому что так не бывает».

«Ага, вот оно что. И чего же, по-твоему, не бывает?»

Гил долго подыскивал слова, пытаясь выразить интуитивное, почти бессознательное убеждение. Наконец он промямлил: «Человек не может справиться с десятью гаррионами. Это всем известно».

«Так-так, – пробормотал Холькервойд в сторону, – ребенок воспринимает вещи буквально». Снова обернувшись к юному критику, кукольник сказал: «Но разве ты не хочешь, чтобы было по-другому? Разве мы не обязаны рассказывать сказки со счастливым концом? Когда ты вырастешь и узнаешь, сколько ты должен городскому управлению, в твоей жизни будет достаточно забот, усталости и скуки».

Гил понимающе кивнул: «Я думал, куклы будут поменьше. И гораздо красивее».

«А, придирчивый зритель! Разочарование. Что ж! Когда ты будешь большой, они тебе покажутся совсем маленькими».

«А ваши куклы – не краденые дети?»

Брови Холькервойда взметнулись, как хвост испуганной кошки: «Это еще почему? Что ты придумываешь? Как бы я, по-твоему, научил детей прыгать, кривляться и выкидывать всякие трюки, если дети – завзятые скептики, привередливые критики и фанатические противники условностей?»

Чтобы не показаться невежливым, Гил поспешил сменить тему разговора: «А среди зрителей есть лорд».

«Не совсем так, дружище. Маленькая барышня. Слева, во втором ряду».

Гил моргнул: «Откуда вы знаете?»

Холькервойд сделал жест, призывающий к великодушию: «Хочешь знать все мои секреты? Ладно, так и быть. Намотай себе на ус: маскарад – моя профессия. Мы, кукольники, делаем маски, мы их надеваем – кому лучше знать, что под ними скрывается? А теперь беги к отцу. Он носит тяжелую маску смирения, чтобы защитить обнаженную душу. Но под покровом маски его сотрясает скорбь. И ты познаешь скорбь – тебе предначертано!» Холькервойд приподнялся и скорчил свирепую рожу, прихлопывая протянутыми вперед руками: «Давай! Давай! Кыш отсюда!»

Гил выскочил в зрительный зал и вернулся в свое кресло. Амианте вопросительно покоился на сына, но Гил придал лицу отсутствующее выражение. Он понял, что многого еще не понимает в окружающем мире. Вспомнив слова старого кукольника, Гил вытянул шею и присмотрелся к публике с левой стороны. Действительно, во втором ряду, по соседству с добродушной женщиной средних лет, сидела маленькая девочка. Так вот, значит, какие они, барышни! Гил внимательно разглядел ее. Грациозная и хорошенькая, перед внутренним взором Гила она предстала безошибочным символом сословных – и прочих – различий. Она распространяла аромат лимонных пирожных, духов и чая из вербены... Ее непостижимые помыслы наполнились волшебными тайнами... В непринужденности ее манер сквозило высокомерие. Она бросала вызов, непреодолимо привлекательный вызов.

Люстры потускнели, занавес распахнулся – началось короткое печальное представление, с точки зрения Гила служившее предупреждением кукольника Холькервойда лично ему, Гилу, хотя он и сознавал, насколько это маловероятно.

Действие разворачивалось в кукольном театре как таковом. Вообразив, что мир за пределами балаганного шатра – нескончаемый карнавал развлечений и удовольствий, один из персонажей-марионеток сбежал из театра и примкнул к стайке резвящихся детей. Некоторое время они играли, пели и паясничали, но дети скоро утомились и стали расходиться по домам. Всеми покинутый, беглец бродил по улицам, поражаясь поддельному кошмару большого города, мрачного и безысходного, и с сожалением вспоминая о родном театре, веселом и уютном. Памятуя о грозящем наказании, возвращаться в театр он не решался. Тем не менее, останавливаясь на каждом шагу и обращаясь к публике с жалобными монологами, дезертир приковылял-таки назад в театр, где коллеги-марионетки приветствовали его с опасливой сдержан-

ностью – все знали, какая участь ему уготована. И действительно, в тот же вечер ставили традиционную драму «Эмфирио», причем беглой марионетке поручили роль главного героя. Начался «спектакль в спектакле», посвященный сказанию об Эмфирио. Под конец Эмфирио, схваченного тиранами, потащили на Голгофу. Перед казнью герой пытался выступить с речью, оправдывавшей его жизнь, но тираны не дали ему говорить, тем самым подвергнув Эмфирио глубочайшему из унижений: унижению ничтожества и безвестности. Осужденному заткнули рот грязной тряпкой абсурдных размеров. Сверкающим топором герою отрубили голову – и судьбу его разделила сбежавшая из театра марионетка.

Гил заметил, что барышня, ее компаньонка и охранники-гаррионы не дождались конца спектакля. Когда зажгли свет и побледневшие зрители безутешно уставились на занавес, ее место уже пустовало.

Гил и Амианте возвращались домой в сумерках, погруженные в свои мысли.

Гил прервал молчание: «Папа».

«Да?»

«В этой истории сбежавшую куклу, игравшую Эмфирио, казнили».

«Да».

«Но куклу, которая играла сбежавшую куклу, тоже казнили!»

«Я заметил».

«Она что, тоже сбежала?»

Амианте вздохнул, покачал головой: «Не знаю. Может быть, марионетки просто дешевы... Кстати, вся эта пьеса не имеет отношения к настоящей легенде об Эмфирио».

«А как было на самом деле?»

«Никто не знает».

«Эмфирио – он вообще был на самом деле?»

Амианте помолчал. Наконец он сказал: «История теряется во мраке времен. Даже если человека по имени Эмфирио никогда не было, существовал другой такой же человек».

Замечание отца превзошло интеллектуальные возможности Гила: «А как ты думаешь, где жил Эмфирио? Здесь, в Амброе?»

«Трудный вопрос, – нахмурившись, отозвался Амианте. – Многие пытались его решить, но безуспешно. Есть некоторые свидетельства, конечно... Если бы я был другим человеком, если бы я снова был молод, если бы я...» Амианте на закончил.

Они шли в молчании. Потом Гил спросил: «А что значит „предначертано“?»

Амианте взглянул на сына с любопытством: «Где ты слышал это слово?»

«Кукольник Холькервайд сказал, что мне предначертано».

«А, понятно. Ну что ж. Это значит, что ты не такой, как все, что у тебя, так сказать, особое предназначение. Значит, станешь незаурядным человеком, будешь способствовать знаменательным событиям».

Гил подпрыгнул от восхищения: «Значит, я буду финансово независимым и смогу путешествовать? Вместе с тобой?»

Амианте положил ладонь Гилу на плечо: «Поживем – увидим».

Глава 3

Высокое узкое четырехэтажное строение из почерневших бревен с наличниками из коричневой плитки, служившее Амианте местом жительства и работы, обращено фасадом к Ондл-скверу, небольшой площади к северу от района Брюбен. Первый этаж занимала мастерская, где Амианте вырезал деревянные ширмы. На втором помещались кухня, где отец и сын готовили и ели, и небольшой кабинет, превращенный Амианте в хранилище беспорядочной коллекции рукописей. На третьем этаже были спальни Амианте и Гила, а над ними находился чердак, заваленный бесполезными вещами, достаточно старыми или редкими для того, чтобы их было жалко выбрасывать.

Амианте предпочитал как можно меньше стеснять себя обязательствами. Хронически погруженный в длительные, даже тягостные размышления, он лихорадочно работал, когда начинался взрыв энергии, а потом в течение многих часов или дней притворялся, что занимается какой-нибудь деталью наброска, или вообще ничего не делал. Ширмы Амианте, искусного мастера, всегда относили к первому экспортному, а нередко и к высшему разряду «Акме», но он не отличался высокой производительностью. Поэтому талонов в доме Тарвоков постоянно не хватало. Одежда, как и любой другой товар, произведенный в Фортиноне, изготовлялась вручную и стоила дорого. Гил носил блузы и штаны, скроенные и сшитые самим Амианте – несмотря на то, что гильдии не поощряли такие «кустарные» посягательства на свои права. Изредка оставалась мелочь на сладости, но ни о каких платных развлечениях, как правило, не могло быть и речи. Каждый день баржа «Джаунди» величественно продвигалась вверх по Инцзе к Бронзену, загородному парку аттракционов, и возвращалась после наступления темноты. Для амбройских детей поездка в Бронзен была пределом мечтаний, самым радостным событием, доступным воображению. Амианте пару раз намекал на возможность такой экскурсии, но ничего из этого не получилось.

Тем не менее, Гил считал себя баловнем судьбы. Амианте не накладывал почти никаких ограничений. Большинство сверстников Гила обучались ремеслам в школе гильдии, в домашней мастерской или в мастерской родственника. Детей писарей, конторских служащих, педантов и прочих представителей профессий, требовавших развития навыков чтения и письма, натаскивали по второму и даже по третьему табелю.² Заботливые родители отправляли отпрысков в ясли попрыгунчиков и в школу юных скакунов при храме Финуки или, по меньшей мере, учили их простым выкрутасам дома.

Амианте, по расчету или просто по рассеянности, не предъявлял к Гилу подобных требований, позволяя ему проводить время по своему усмотрению. Закончив исследование всех закоулков Брюбена, Гил отважился проникнуть за его пределы. Он подробно изучил верфи и шлюпочные цеха района Нобиле, забирался на остовы старых барж, ржавевшие на илистых отмелях Додрехтена, закусывая найденными поблизости сырыми морскими фруктами. Однажды он переплыл на Неисходный остров в устье Инцзе, где находились стеклозаводы и сталелитейные фабрики, и несколько раз переходил по мосту на мыс Переломщиков.

² В Фортиноне и на всей территории Северного континента находили употребление пять «табелей» или систем письма. 1) Набор иероглифов-пиктограмм (тысяча двести тридцать один символ), происходящих от условных обозначений, применявшихся в древности при передаче межпланетных сообщений – преподавался всем детям. 2) Пиктографическая скоропись, используемая мастерами и ремесленниками; включает примерно четыреста дополнительных специальных символов. 3) Силлабарий – слоговое письмо, иногда дополняющее пиктографическое, а иногда служащее самостоятельной графической системой. 4) Слоговая скоропись, содержащая большое количество логограмм – система, используемая лордами, жрецами, рукоположенными эквилибристами, светскими прыгунами, увещателями, писарями и педантами. 5) Архаический алфавит, существующий во многих вариантах и применяемый в тех случаях, когда требуется запись устаревших диалектов, или с целью создания особого эффекта – например, при написании наименований таверн на вывесках, названий судов, лодок и т. п.

К югу от Брюбена, ближе к центру старого Амброя, начинались районы, во времена Имперских войн подвергавшиеся самым катастрофическим разрушениям: Ходж, Като и Хайялис-парк. Среди пустырей и руин извилисто тянулись однорядные и двойные вереницы домов, выстроенных из кирпича, собранного на развалинах. В Ходже находился общественный рынок, в Като – Финукийский храм. Обширные пространства были сплошь покрыты крошкой черного кирпича, обломками плесневеющего бетона и вонючими лужами, окруженными цветущей тиной причудливой окраски. Время от времени на пустырях попадалась импровизированная лачуга бродяги-тунеядца или нелегала.³ В Като и Вашмонте высились мрачные каркасы центральных башен, реквизированные лордами-исправителями в качестве опор для заоблачных обителей.

Как-то раз, вспомнив о героической марионетке, Гил решил проверить практическую целесообразность подвига Руделя. Он выбрал башню, принадлежавшую лорду Уолдо, владельцу Флоуэна,⁴ и стал забираться на нее по диагональным укосинам – до первой перекладины, до второй, до третьей, до четвертой – дальше – выше – на тридцать метров, на шестьдесят, на сто... Гил остановился, крепко схватившись за укосину, ибо высота становилась поистине устрашающей.

Некоторое время он сидел на перекладине и смотрел на панораму старого города. С башни открывался великолепный, хотя и меланхолический в своей неподвижности вид: развалины подсвечивались отменяющими мельчайшие детали наклонными, пыльно-золотистыми лучами солнца. Гил присмотрелся к лабиринту улиц Ходжа, пытаясь отыскать Ондлсквер... Снизу послышался грубый окрик. Гил опустил голову: у подножия башни стоял человек в кофейного цвета брюках и черном кителе с широкими фалдами – агент вашмонтского Собеса.

Гил спустился на землю и получил строгий выговор. Пришлось назвать имя и адрес.

На следующий день, рано утром, к Амианте зашел агент брюбенского Собеса Эльфред Кобол – Гил приготовился к крупным неприятностям. Неужели его увезут на реабилитацию? Но Эльфред ни словом не упомянул о проделках Гила на вашмонтской башне, ограничившись ворчливым советом быть поосторожнее с шалопаем. Амианте выслушал агента с вежливым безразличием.

Эльфред Кобол, пузатый коренастый человек с опухшей физиономией, шишковатым носом и маленькими серыми глазками, говоривший отрывисто и деловито, пользовался репутацией строгого служащего, никому не делавшего поблажек. Тем не менее, у него был немалый опыт, и он предпочитал не истолковывать Кодекс буквально. К большинству иждивенцев Эльфред относился с прохладной фамильярностью, но в присутствии Амианте Тарвока вел себя осторожно и внимательно, как если бы считал поведение Амианте непредсказуемым.

Не успел удалиться Эльфред Кобол, как явился Энг Сеш, старый придирчивый районный делегат гильдии резчиков по дереву – провести инспекцию мастерской и убедиться в том, что Амианте соблюдает уставные правила, применяя исключительно предусмотренные инструменты и разрешенные методы без использования механических приспособлений, шаблонов, автоматизированных процессов или средств серийного производства. Сеш оставался в доме больше часа, поочередно изучая каждый инструмент. В конце концов Амианте поинтересовался слегка насмешливым тоном: «Что вы надеетесь найти?»

³ Нелегалы: неподотчетные лица, не получающие доступ к соцобеспечению. Согласно общепринятому мнению, к этой категории относились всевозможные отщепенцы – хаотисты, анархисты, воры, мошенники и сутенеры.

⁴ Титулы лордов зависели от того, к каким доменам общественных служб причислялись феоды, составлявшие основную часть их активов. Общественные службы на языке того времени подразделялись на следующие домены: Стэй (связь), Шалюз (энергоснабжение), Флоуэн (водоснабжение), Обертренд (перевозки), Унтерлайн (канализация) и Буамарк (торговля).

«Ничего особенного, иж⁵ Амианте, ничего особенного. Смотрю, не попадетсЯ ли отпечаток струбцины или что-нибудь такое. Должен сказать, что в последнее время ваши работы отличаются необычным единообразием отделки».

«Вы предпочли бы, чтобы я сдавал недоделанный товар?» – спросил Амианте.

Если в вопросе скрывалась ирония, делегат ее не заметил: «Это противоречило бы уставу. Что ж, очень хорошо – вам известны ограничения».

Амианте вернулся к работе, делегат покинул мастерскую. По тому, как опустились плечи отца и с какой яростью он атаковал стамеску киянкой, Гил понял, что посетители довели Амианте до белого каления. В конце концов Амианте бросил инструменты, подошел к двери и выглянул наружу. Убедившись в том, что на площади никого нет, он вернулся к верстаку: «Ты понимаешь, на что намекал делегат?»

«Он считает, что ты его надуваешь».

«Что-то в этом роде. А ты знаешь, почему он так беспокоится?»

«Нет». Стараясь поддержать отца, Гил добавил: «По-моему, ему просто делать нечего».

«Ну... не совсем так. В Фортиноне мы все останемся без последнего куска хлеба, если наши товары не будут продаваться – причем мы гарантируем, что вся местная продукция изготавливается вручную. Тиражирование, формование, опрессовка – все это запрещено. Ни одно изделие не должно быть копией другого, и делегаты гильдии строго следят за соблюдением этого правила».

«А лорды? – спросил Гил. – Они в какой гильдии? Что они производят?»

Амианте поморщился, как от боли, но тут же усмехнулся: «Мы с ними разной крови. Лорды не вступают в гильдии».

«Как же они зарабатывают талоны?» – не отставал Гил.

«Очень просто, – ответил Амианте. – Когда-то, давным-давно, Фортинон опустошила жестокая многолетняя война. Весь Амброй лежал в развалинах. Приехали исправители. Они потратили огромное количество талонов на восстановление города – это называется вложением капитала. Они раскопали и починили трубопроводы системы водоснабжения. Они построили магистрали Обертренда. И так далее. А теперь мы платим за использование этих сооружений».

«Гмм... – почесал в затылке Гил. – Я думал, мы получаем воду, энергию и все такое бесплатно, от Собеса».

«Ничто не делается бесплатно, – возразил Амианте. – Даже если человек крадет, рано или поздно ему приходится платить, так или иначе. Так устроен этот мир. Лордам причитается часть наших доходов – точнее говоря, налог в размере одного и восемнадцати сотых процента».

Гил задумался: «А это много?»

«Надо полагать, достаточно, – сухо отозвался Амианте. – В Фортиноне три миллиона иждивенцев и примерно двести лордов – шестьсот, если считать барынь и барчуков...» Амианте выпятил нижнюю губу и принялся теревить ее пальцем: «Любопытный получается расклад... На каждого лорда и барчука приходится пять тысяч иждивенцев. Каждый иждивенец отдает один и восемнадцать сотых... для круглого счета, скажем, один процент. Значит, каждый лорд пользуется доходом пятидесяти иждивенцев». По-видимому, результаты расчета привели Амианте в некоторое замешательство: «Хотел бы я знать, на что они тратят такую уйму денег? Даже при самом роскошном образе жизни... Что ж, в конце концов это не наше дело. Я плачу налоги – и ладно. Хотя, действительно, тут что-то не сходится... Никакие новые проекты они не финансируют. Благотворительностью тоже не занимаются. В свое время, будучи корреспондентом, я мог бы навести справки, но так и не удосужился...»

«Ты был корреспондентом? – Гил услышал новое слово. – Что это значит?»

⁵ Иж: сокращение формального почтительного обращения «иждивенец».

«Ничего особенного. Когда-то в молодости я занимал такую должность. Дела давно минувших дней. Что было, то прошло».

«А лордом ты не был?»

Амианте рассмеялся: «Нет, конечно! Разве я похож на лорда?»

Гил подверг внешность отца критическому рассмотрению: «По-моему, не очень. Как становятся лордами?»

«Лордами не становятся, лордами рождаются».

«Но... Рудель и Марельвия, в кукольном театре – ведь они получили энергетические феоды, значит стали лордами?»

«На самом деле нет. Случалось, что нелегалы – а иногда и отчаявшиеся иждивенцы – похищали лордов, заставляя их уступать феоды и большие суммы денег. Похитители становились финансово независимыми и могли величать себя лордами, но им никогда не позволяли породниться с настоящими исправителями. В конце концов лорды заказали у дамариан – тех самых, что разводят марионеток – охранников-гаррионов, и теперь похищений почти не бывает. Кроме того, лорды договорились больше не выплачивать выкуп похитителям, несмотря ни на что. Поэтому иждивенец или нелегал не может стать лордом, даже если у него возникнет такое желание».

«А если бы лорд Бодбозл женился на Марельвии, разве она не стала бы барыней? А их дети разве не стали бы барчуками?»

Амианте, вернувшийся было к работе, снова отложил инструменты и помолчал, тщательно выбирая слова: «Лорды часто заводят любовниц – подруг – из среды иждивенцев. Но они внимательно следят за тем, чтобы от таких подруг у них не было детей. Надо полагать, лорды очень заботятся о чистоте расы и не допускают никакого смешения сословий».

Тень легла на янтарные круглые просветы выходной двери. Дверь распахнулась, вошел Эльфред Кобол. Грозно насупившись, агент службы соцобеспечения встал посреди мастерской и воззрился на Гила – у того душа ушла в пятки. Эльфред повернулся к Амианте: «Мне только что передали полуденный меморандум. В него внесена – красными чернилами! – запись, относящаяся к вашему сыну. Гил неправомочно находился на территории частного владения, подвергая себя и других неоправданному риску. Задержание произвел агент вашмонтского Собеса, совершавший обход квартала 12Б. Агент сообщает, что Гил забрался на опорные брусья башни лорда Уолдо Флоуэна, поднявшись на опасную, недозволенную высоту. Тем самым он не только нарушил права лорда Уолдо, но и создал угрозу финансовой ответственности за госпитализацию, способной обременить население брюбенского и вашмонтского районов».

Страхнув опилки с передника, Амианте надул щеки, выдохнул: «Да-да. Он у меня резвый шалопай».

«Чересчур резвый! По сути дела, бестолковый и непутевый! Слоняется без присмотра днем и ночью. Сколько раз я замечал, как он плетется домой после наступления темноты, промокший под дождем до нитки! Рыщет по городу, как воришка – и ничему не учится, только безобразничает! Серьезно подозреваю, что эта „резвость“, как вы изволили выразиться, до добра не доведет. Неужели вас не беспокоит будущее вашего сына?»

«Торопиться некуда, – беззаботно отозвался Амианте. – У него все впереди».

«Жизнь человеческая коротка. Давно пора приступить к профессиональной подготовке. Надо полагать, вы хотите, чтобы он стал резчиком по дереву?»

Амианте пожал плечами: «Профессия как профессия. Ничем не хуже других».

«В таком случае начинайте обучение. Или вы предпочитаете, чтобы он посещал училище гильдии?»

Амианте поскоблил лезвием стамески ноготь большого пальца и неприветливо спросил: «Зачем отнимать у человека невинные радости детства? В свое время у него будет достаточно забот и тягот».

Эльфред Кобол собрался было что-то заметить, но вместо этого издал неопределенный звук – то ли хмыкнул, то ли прочистил горло – после чего деловито осведомился: «Еще один вопрос. Почему Гил не принимает участие в добровольных храмовых упражнениях?»

Амианте положил стамеску на верстак и скорчил глуповатую гримасу, всем своим видом изображая недоумение: «По этому поводу ничего не могу сказать. Я его не спрашивал».

«Вы учите его выкрутасам дома?»

«Э... нет. Я и сам, надо заметить, прыгун неважнецкий».

«Гм. Вам следовало бы поощрять в нем интерес к общепринятым обрядам, независимо от личных предпочтений».

Амианте поднял глаза к потолку, после чего взял стамеску и с ожесточением атаковал панель ароматического арзака, только что закрепленную на верстаке. Рисунок резьбы он уже нанес карандашом – в роще раскидистых деревьев длинноволосые девы убегали от сатира. Цветными мелками Амианте разметил сквозные вырезы и примерную глубину рельефа. Пользуясь металлической линейкой как опорной направляющей для большого пальца, мастер принялся выбирать дерево стамеской.

Любопытствуя, Эльфред подошел поближе: «Роскошный щит! Что это за дерево? Кодиля? Болигам? Или что-нибудь из твердолиственных пород – с Южного континента?»

«Арзак из горных лесов за Пергой».

«Арзак! Никогда бы не подумал, что из арзака можно кроить щиты таких размеров! У него и ствол-то, как правило, не шире метра».

«Я тщательно выбираю деревья, – терпеливо пояснил Амианте. – Лесничие пилят хлысты на двухметровые бревна. Я арендую чан на красильной фабрике. Бревна вымачивают в растворе в течение двух лет. Я обдираю кору, после чего делаю двухдюймовый продольный разрез по всей длине – глубиной слоев тридцать. Наружная часть пропитанного ствола, два дюйма толщиной, отделяется от внутренней по окружности – разворачивается изогнутый щит двухметровой высоты, шириной два-три метра. Щит распрямляется под прессом. Потом, после сушки, я выравниваю поверхности с обеих сторон».

«Хм. Вы сами отделяете наружные слои от внутренних?»

«Да».

«И плотницкая гильдия не возражает?»

Амианте пожал плечами: «Они не умеют это делать – или не желают. У меня нет выбора. Даже если бы я хотел, чтобы у меня был выбор». Последнюю фразу он пробормотал себе под нос.

«Если бы каждый из нас делал, что хотел, мы жили бы в дикости, как вирваны», – строго заметил Эльфред Кобол.

«Возможно». Амианте продолжал строгать душистый арзак. Эльфред Кобол подобрал завиток стружки, понюхал его: «Чем это пахнет? Деревом или химикатами?»

«И тем, и другим. У свежего арзака едковатый аромат, отдает перцем».

Агент Собеса вздохнул: «Хорошо было бы поставить в спальне такую ширму... Но моего пособия едва хватает на жизнь. У вас, случайно, нет бракованных панелей, с которыми не жалко было бы расстаться?»

Амианте устремил в пространство ничего не выражающий взгляд: «Поговорите с владельцами Буамарка. Они забирают все ширмы. Бракованные сжигают, панели второго разряда пылятся под замком на складах. Ширмы высшего и первого разрядов экспортируют. По крайней мере, я так думаю – меня никто не спрашивает. Если бы я сам рекламировал свой товар, у нас было бы гораздо больше талонов».

«Необходимо поддерживать репутацию! – назидательно произнес Эльфред Кобол. – На далеких планетах клеймо „сделано в Амброе“ равнозначно сертификату ручной работы непревзойденного качества».

«Приятно знать, что моя работа вызывает восхищение ценителей, – кивнул Амианте. – Тем более удивительно, что за нее платят такие гроши».

«Чего вы хотите? Чтобы рынок был завален низкопробными имитациями?»

«А почему бы и нет? – спросил Амианте, продолжая налегать на стамеску. – Изделия высшего и первого сортов выгодно выделялись бы на фоне массовой продукции».

Эльфред Кобол неодобрительно покачал головой: «Коммерция – не такое простое дело». Понаблюдав за работой Амианте еще пару минут, агент Собеса прикоснулся пальцем к металлической линейке: «Лучше не показывайте делегату гильдии, что пользуетесь направляющим устройством. Он устроит вам разнос в районном комитете – за дублирование».

Подняв голову, Амианте обернулся к агенту с некоторым удивлением: «Никаким дублированием я не занимаюсь».

«Линейка, служащая упором большому пальцу, позволяет многократно вынимать материал с одной и той же глубины, продвигаясь в том или ином направлении – то есть дублировать операцию обработки».

«Вот еще! – проворчал Амианте. – Нашли к чему придраться! Просто чепуха какая-то».

«Дружеское предупреждение, не более того», – обронил Эльфред Кобол. Агент покопался на Гила: «Твой отец – искусный мастер, парнишка, но какой-то он у тебя... рассеянный, что ли, не от мира сего. А тебе я посоветовал бы взяться за ум. Сколько можно слоняться без дела, шататься по городу день и ночь напролет? Займись ремеслом. Учись резать по дереву – или чему-нибудь другому. Если хочешь, совет гильдий подыщет тебе место в каком-нибудь цеху, где не хватает подмастерьев. По-моему, однако, тебе лучше всего было бы пойти по стопам отца. Амианте тебя многому научит». Эльфред Кобол бросил мимоличный взгляд на металлическую линейку, но тут же снова обратился к Гилу: «И еще одно: тебе уже пора посещать Храм. Там тебе объяснят основные догмы, научат простейшим прыжкам – все это не так уж сложно. А безделье до добра не доведет – того и гляди, кончишь свои дни бродягой или нелегалом!»

Эльфред попрощался с Амианте коротким кивком и вышел из мастерской.

Гил подошел к двери, чуть приоткрыл ее и подождал до тех пор, пока Эльфред не оказался на другой стороне Ондл-сквера, после чего тихонько притворил дверь – тоже резную панель отцовской работы из потемневшего арзака, украшенную выпуклыми бобышками толстого янтарного стекла – и медленно приблизился к верстаку: «Теперь меня заставят ходить в Храм?»

Амианте крикнул: «К словам Эльфреда не следует относиться слишком серьезно. Он много чего говорит – такая уж у него должность. Своих детей он, положим, водит учиться выкрутасам, но сам религиозным рвением не отличается и прыгает не больше моего».

«А почему всех служащих Собеса зовут Коболами?»

Амианте пододвинул табурет к столу, налил чашку крепкого черного чая и принялся задумчиво его прихлебывать: «Давным-давно, когда столицей Фортинона был приморский город Тадеус, начальником службы социального обеспечения был человек по прозвищу Кобол. Он назначил на все высшие должности своих братьев и племянников, а они тоже отдавали предпочтение родственникам, так что через некоторое время в Собесе работали одни Коболы. Так и повелось. Теперь даже те агенты Собеса, что не родились Коболами – а таких, конечно, меньшинство – меняют фамилии. Просто-напросто такова традиция. В Амброе много давних обычаев. Одни полезны, другие – нет. Например, каждые пять лет выбирают мэра Амброя, причем мэр не выполняет никаких функций. Вообще ничего не делает, только пособие получает. Тем не менее, такова традиция».

Гил посмотрел на отца с уважением: «Ты почти все помнишь, да? Больше никто ничего такого не рассказывает».

Амианте невесело кивнул: «От всего этого вороха сведений талонов не прибавляется... Ну ладно, что-то мы с тобой заболтались». Амианте залпом допил оставшийся чай и отодвинул кружку: «Похоже на то, что придется учить тебя резать по дереву. Читать и писать тоже... Ладно, начнем. Вот, смотри – здесь у нас всякие канавочники и стамески. Прежде всего запомни, как они называются. Это пазник. Это ложечное долото номер два. Вот хвостовик с зажимным патроном...»

Глава 4

Амианте не мог быть требовательным надсмотрщиком. Привольное существование Гиля продолжалось, как раньше, хотя на башни он больше не залезал.

В Амброе наступило лето. Прошли дожди – даже несколько больших гроз – и установилась на редкость ясная погода. В эти дни даже полуразрушенный город казался почти красивым. Амианте стряхнул с себя мечтательную задумчивость и, ощущая внезапный прилив энергии, повел Гиля прогуляться вверх по течению Инцзе, к подножию Скудных гор. Гил никогда еще не был так далеко от дома. По сравнению с привычными обветшалыми застройками на пустырях загородные виды поражали свежестью и простором. Шагая по высокому речному берегу под багряными кронами банионов, отец и сын часто задерживались, присматриваясь со смутным чувством, похожим на сожаление, к той или иной привлекательной детали пейзажа: к острову посреди реки, заросшему тенистыми банионами и густым ивняком, с рыбацкой хижиной на отмели, дощатым причалом и яликом – или, например, к жилой барке, пришвартованной под береговым откосом и окруженной детьми, резвящимися и перекликающимися в воде под присмотром родителей, лениво растянувшихся в шезлонгах на палубе и потягивающих пиво. Когда сгустились сумерки, Амианте и Гил устроили постели из листьев и соломы и долго лежали, глядя на полыхающие и тлеющие угли костра. Над головой мерцали звезды Галактики. Амианте назвал несколько известных ему светил: скопление Мирабилис, Глиссон, Гериартес, Корнус, Аль-Од. В ушах Гиля незнакомые имена звучали волшебными заклинаниями.

«Когда-нибудь, – сказал он отцу, – когда я вырасту, мы вырежем много-много панелей и накопим кучу талонов, а потом полетим ко всем этим звездам и побываем во всех пяти мирах Дженга!»

«Было бы неплохо, – усмехнулся Амианте. – Пожалуй, пора заготовить побольше бревен арзака и загрузить пропиточный чан доверху – не то, глядишь, материала не хватит».

«Нет, правда, как ты думаешь? Мы могли бы купить яхту и путешествовать, если бы захотели?»

Амианте покачал головой: «Слишком дорого. Космический корабль стóит порядка ста тысяч талонов, а то и больше».

«Разве мы не можем столько накопить, если будем работать изо всех сил?»

«Даже если бы мы всю жизнь выбивались из сил, все равно мы не накопили бы такую сумму. Космические яхты – для лордов, не для нас».

Они прошли по Бронзену, обогнули поселок Григлзби и оставили за спиной Блоннет, после чего повернули к предгорьям. Продолав немалый путь, в конце концов они вернулись в Амброй, едва передвигая ноги, причем Амианте даже потратил несколько драгоценных талонов, чтобы проехать последние тридцать километров – через Прибрежный парк, Вашмонт и Ходж – в капсуле Обертренда.

Некоторое время Амианте, будто убедившись в целесообразности предложений Гиля, работал с небывалым прилежанием. Гил помогал как мог, практикуясь в применении стамесок и буравов, но талоны поступали с разочаровывающей медлительностью. Мало-помалу энтузиазм Амианте улетучился – старая привычка взяла свое, и вскоре он уже работал, как всегда, с задумчивой прохладцей, то и дело прерываясь на несколько минут и устремляя в пространство невидящий взгляд. Гил тоже потерял интерес к повышению производительности. Он подозревал, что должен был существовать какой-то другой, менее изнурительный способ быстрого накопления талонов; например, ему уже приходилось слышать о заманчивых возможностях

азартных игр. Похищение лордов противоречило заведенному порядку вещей – Гил понимал, что отец не захочет даже слышать о подобных затеях.

Тянулись безмятежные летние дни – пожалуй, самые счастливые в жизни Гиля Тарвока. Больше всего он любил бродить в холмах Данкума, в районе Вейж к северу от Брюбена, по травянистой возвышенности над устьем реки. Десятки раз Гил забирался на волнистый гребень Данкума, то обдуваемый бодрящим утренним ветерком, то окутанный послеполуденной дымкой – иногда один, иногда в компании своего приятеля Флориэля, тощего заморыша с большими глазами и взъерошенной копной черных волос. Флориэль жил у матери, работницы пивоварни – там она проворно чистила и резала большие темно-фиолетовые плоды холимеля, придававшие амбройскому пиву характерный затхло-мускусный привкус. Мать Флориэля, женщина крупная и бойкая, не стеснялась в выражениях, но слегка задирала нос, так как приходилась мэру троюродной сестрой. Ее жилище, одежда, имущество и все ее существо насквозь пропитались духом холимеля. Само собой, холимелем несло и от ее отпрыска, в связи с чем всякий раз, когда Гил впоследствии утолял жажду пивом или улавливал едковатый мускусный аромат плодов холимеля на рынке, ему вспоминалась неумытая глазастая физиономия оборванца Флориэля.

В качестве компаньона Флориэль идеально соответствовал предпочтениям Гиля – паренек покладистый, но достаточно непоседливый, он отличался буйным воображением и никогда не отказывался участвовать в отчаянных похождениях. Неразлучные друзья, Гил и Флориэль провели немало беззаботных дней в холмах Данкума, загорая в мягкой траве под рыжеватым солнцем, пожевывая соломинки и наблюдая за стремительным порханием скрижей над илистыми отмелями устья.

Если холмы Данкума были царством ленивых грез, то космический порт в районе Годеро, к востоку от прибрежной возвышенности, стал средоточием романтических надежд. Космопорт состоял из трех зон, окружавших центральный склад. К северу простиралось коммерческое посадочное поле, где, как правило, производилась загрузка или разгрузка двух-трех грузовых звездолетов. В южном направлении, вдоль подъездного бульвара, выстроились сверкающие космические яхты лордов – гипнотически притягательные, захватывающие дух чудеса роскоши и техники! С западной стороны приютился пассажирский вокзал. Перед вокзалом возвышались черные экскурсионные корабли, обслуживавшие тех иждивенцев, которым трудолюбие и бережливость позволяли оплатить космический полет. Предлагались различные туристические поездки. Самой дешевой и популярной была пятидневная экскурсия по ближайшей луне, Дамару – странному тесному мирку меньше половины Хальмы в диаметре, где обитали дамариане, изготовители марионеток. В Гарване, на экваторе Дамара, расположился туристический комплекс с отелями, прогулочными террасами и ресторанами. Там можно было увидеть всевозможные кукольные спектакли – марионетки представляли легенды Фэйри, жутковатые мистические сказания, инсценировки исторических событий, фарсы, зрелища для любителей жестокостей и эротики. На Дамаре актерами служили небольшие человекоподобные симулякры, полученные посредством тщательной селекции и очень дорогие – в отличие от миниатюрных легкомысленных паяцев, поставляемых на экспорт и приобретаемых сомнительными заведениями вроде «Перипатетических аттракционов» Шпанбруса. Собственно дамариане жили под землей в изысканных и комфортабельных условиях. Маленькие, сплошь покрытые черным мехом, с костлявыми головками, увенчанными хохолками черной щетины, и черными глазками, странно поблескивающими внутренними искорками подобно звездчатым сапфирам, дамариане, несомненно, чем-то напоминали свой экспортный товар – марионеток.

Другим, несколько более престижным пунктом назначения туристических лайнеров стала планета, занимавшая следующую после Хальмы орбиту – Морган, мир возмущенных ветрами океанов, плоских, как стол, степей и остроконечных скальных обнажений. На Мор-

гане прозябали полдюжины слегка запущенных гостиничных комплексов, не предлагавших почти никаких развлечений, кроме быстрой езды под парусами на степных катамаранах с высокими колесами.

Гораздо заманчивее была перспектива посещения чудесных миров скопления Мирабилис. Те, кому посчастливилось их увидеть, возвращались домой людьми, познавшими осуществление мечты. До конца своих дней они рассказывали самые невероятные вещи: они летали к звездам! Такое путешествие, однако, могли себе позволить только люди, получавшие большое жалованье – председатели и делегаты гильдий, начальники отделов Собеса, ревизоры и казначеи Буамарка (не считая отдельных неподотчетных лиц, ухитрившихся приобрести состояние благодаря контрабандной торговле, азартным играм или преступной деятельности).

Амбройские иждивенцы знали, что в глубине Ойкумены, за скоплением Мирабилис, существовали населенные миры: Родайон, Альянтара, Земля, Маастрихт, Монтисерра – планета плавучих городов, Хаймат и многие другие. Но никто, кроме лордов, владевших космическими яхтами, не летал так далеко.

Гил и Флоризель не смирились с невозможностью. Прижавшись носами к ограде, окружавшей космический порт, они клялись друг другу, что добьются финансовой независимости и станут космическими странниками. Только такой могла и должна была быть жизнь! Но прежде всего необходимо было приобрести уйму талонов, а в этом-то и заключалась проблема. Гил хорошо знал, с каким трудом доставались талоны. По слухам, на иных планетах жили богато – там, наверное, талоны раздавали на скупясь. Но как перенести себя, отца и Флоризеля на такую планету изобилия? Если бы только ему улыбнулась удача, если бы каким-нибудь чудом он завладел космической яхтой! Какая свобода, какие радости и приключения ждали отважного астронавта!

Гил не забывал о том, как Рудель и Марельвия вынудили развратного лорда Бодбозла пойти на уступки. Они добились финансовой независимости – но так бывает только в кукольном спектакле. Неужели нет какого-нибудь другого способа?

В один чудесный день, в конце лета, Гил и Флоризель валялись на траве в холмах Данкума, пожевывая стебли и обсуждая, в общих чертах, перспективы на будущее.

«Ну, а на самом деле – что бы ты сделал?» – спросил Гил.

Флоризель лежал на животе, подпирая ладонями лицо, деликатностью напомиравшее девическое: «Сначала я накопил бы талоны – десятки талонов. После этого научился бы играть не хуже нелегалов. Наблюдал бы за лучшими игроками, чтобы понять, как они выигрывают, а потом выиграл бы сам – сотни и сотни талонов! Тыщи талонов! И купил бы космическую яхту, и улетел бы далеко-далеко, к черту на кулички! За Мирабилис!»

Гил задумчиво кивнул: «Можно и так».

«А еще, – увлеченно продолжал Флоризель, – можно было бы спасти барышню от какой-нибудь опасности. Тогда я бы на ней женился и стал бы барчуком, а потом и лордом».

Гил покачал головой: «Не получится. С такими, как мы, лорды не рождаются. Хотя подруги из иждивенцев у них есть. Любовницы».

Флоризель повернулся к югу – посмотреть на башни Вашмонта, торчавшие за буровато-серыми кварталами Брюбена: «А с чего бы они нами брезговали? Тоже мне! Такие же люди, как мы. Только им выпало родиться лордами, а нам – нет. Повезло, как в игре».

«Не совсем такие же, – усомнился Гил. – Хотя, говорят, когда они ходят по улицам переодетые, без гаррионов, никто их за лордов не принимает».

«Возомнили о себе, потому что разбогатели, – заявил Флоризель. – А я разбогатею еще больше и тоже задеру нос. И все эти лорды наперебой прибегут со мной родниться, чтобы талоны мои пересчитывать и слюнки пускать! Представляешь? Синие талоны, оранжевые, зеленые! Пачки и связки и стопки, всех цветов!»

«Талонов понадобится куча, – кивнул Гил. – Космическая яхта стоит дорого – полмиллиона, не меньше. А самые лучшие – „Ликсоны“ и „Гександеры“ с прогулочными палубами – те, наверное, и по миллиону тянут. Но как было бы здорово, а? Вообрази: мы в открытом космосе, Мирабилис остался позади, прямо по курсу – загадочная планета, полная приключений. А мы обедаем в главном салоне – подают тюрбо, гребенца на вертеле, душистое гудейское вино. А потом мы прогуливаемся под куполом на корме, с шерbetaми в руках, и там темно, и вокруг горят звезды Мирабилиса, а сверху – Ятаган Циклопа, и дальше, широкой рекой, вся Галактика!»

Флоризель глубоко вздохнул: «Не смогу купить яхту – украду!» Заметив сомнение на лице Гила, он заговорил с серьезной убежденностью: «По-моему, это было бы только справедливо. Угоню звездолет какого-нибудь лорда – у них не убавится, они купаются в талонах! И на что можно тратить такую уйму денег? Да они их просто выбрасывают!»

Гил не был убежден в том, что действительность соответствовала представлениям Флоризеля, но спорить не стал.

Флоризель приподнялся, стоя на коленях: «Пошли в космопорт! Поглядим на яхты, выберем какую-нибудь!»

«Сегодня?»

«Конечно! Почему нет?»

«Туда далеко».

«Поедем на Обертренде».

«Отец не любит отдавать лордам лишние талоны».

«Не так это дорого. До Годеро? Не больше пятнадцати чеков».

Гил пожал плечами: «Ладно».

Приятель сбежал с утеса по знакомой тропе, но вместо того, чтобы повернуть на юг, обошли муниципальные сыромятни и направились к киоску районной станции №2 Вейжа, что на западной ветке Обертренда. Спустившись к посадочной платформе, они зашли в капсулу. Каждый по очереди нажал кнопку с символом космопорта и приложил удостоверение несовершеннолетнего иждивенца к считывающей пластинке. Капсула разоглась, помчалась на восток, затормозила и открылась. Гил и Флоризель поднялись на эскалаторе в зал ожидания космического вокзала – напоминающее громадную пещеру помещение, где каждый шаг отдавался шелестящим эхо. Приятель прокрались в закоулок, подальше от посторонних глаз, и, переговариваясь вполголоса, оценили ситуацию. Вопреки общей атмосфере сдержанного волнения, связанного с прибытием и отправлением звездолетов, космический вокзал был местом безрадостным, со стенами, выложенными пыльно-коричневой плиткой, и огромным темным сводом.

Гил и Флоризель решили последовать за пассажирами, спешившими к экскурсионным кораблям. Они приблизились к турникету для проверки билетов и попытались проникнуть на посадочное поле, но охранник остановил их: «Вход на смотровую площадку – под аркой. На поле проходят только пассажиры!» Тем не менее, охранник скоро отвернулся, чтобы ответить на чей-то вопрос. Флоризель, внезапно осмелев, схватил Гила за руку, и они проскочили мимо.

Окрыленные собственной удачей, приятели укрылись в тени под нависающим выступом опоры вокзала. Там они присели на корточки и огляделись. Их испугал внезапный звук, раздавшийся из неба: высокий вой гравитационных амортизаторов экскурсионного лайнера компании «Лимас», опускавшегося к космодрому подобно гигантской толстопузой утке. По мере того, как силовое поле реагировало с поверхностью планеты, вой превращался в скуление, а затем в пронзительный свист, постепенно исчезающий за пределами восприятия человеческого уха. Корабль прикоснулся к посадочной площадке – звук вернулся в слышимую часть диапазона и быстро снизился до глубоких басов, напоминавших вздохи, после чего наступило

молчание. Лайнер надежно покоился на земле Хальмы. Открылись трапы. Пассажиры выходили медленно, с опущенными головами – их талоны были истрачены, их честолюбие удовлетворено.

Флориэль неожиданно ахнул от возбуждения, показывая пальцем на корабль: «Выходы открыты! Мы могли бы прямо сейчас протиснуться туда в толпе и спрятаться внутри. Как ты думаешь? А потом, когда корабль будет в космосе, можно будет и не прятаться! Они же не повернут назад только из-за нас? И мы хотя бы увидим Дамар, а может быть и Морган».

Гил покачал головой: «Ничего мы не увидим. Запрут нас в изоляторе без окон и будут давать хлеб и воду. А потом влепят нашим родителям счета за проезд – на тысячи талонов! Отец не сможет заплатить. Не знаю, что он тогда будет делать».

«У моей матери тоже нет денег, – Флориэль почесал в затылке. – Кроме того, она меня вздует. Но мне все равно. Мы же побываем в космосе!»

«Нас отправят на исправительные работы за преступные наклонности», – возражал Гил.

Флориэль отверг все опасения презрительным жестом: «Ну и что? Придется попотеть – до тех пор, пока не представится еще одна возможность, вроде сегодняшней».

«Никакой возможности на самом деле нет, – не уступал Гил. – Во-первых, нас могут поймать до отлета и выгнать в шею. Ничего хорошего из этого не выйдет. Кроме того, какая радость путешествовать на старом экскурсионном корыте? Я хочу частный звездолет, космическую яхту! Посмотрим, нельзя ли пробраться на южное поле».

Космические яхты стояли строем вдоль подъездной дороги на дальнем краю посадочного поля. Для того, чтобы туда попасть, требовалось пересечь обширное открытое пространство, где их могли заметить с обзорной площадки или из диспетчерской вышки. Прижавшись к стене, Гил и Флориэль обсуждали ситуацию, взвешивая «за» и «против».

«Пошли! – порывался Флориэль. – Перебежим, и все тут!»

«Лучше спокойно идти. Тогда нас не примут за воров. Мы же не собираемся ничего красть? Поэтому, если нас поймают, мы всегда можем сказать, что ничего плохого не делали, и даже врать не придется. А если заметят, что мы бежим, все подумают, что мы что-то натворили».

«Ну ладно, – неохотно согласился Флориэль. – Пойдем потихоньку, что ли?»

Чувствуя себя беззащитными и готовые остановиться в любой момент, приятели перешли открытое поле и достигли подъездного бульвара, где редкие стволы деревьев служили хоть каким-то прикрытием. И теперь прямо перед ними высились изумительные космические яхты! Ближе всех, устремив нос в облака почти у них над головами, стоял тридцатиметровый «Дамерон Коко-14».

Приятели с опаской поглядывали на бульвар – по нему, как правило, прибывали лорды, желавшие воспользоваться звездолетами. Но кругом было тихо и пусто. Чудесные яхты будто дремали в ожидании хозяев, прислонившись к носовым кронштейнам на передвижных платформах.

Не было ни гаррионов, ни лордов, ни даже механиков – как правило, звездолеты лордов обслуживали выходцы из Люшейна, на Южном континенте. Дерзость Флориэля, вдохновленная скорее буйным воображением и предрасположенностью к нервному возбуждению, нежели настоящей отвагой, начинала иссякать. Он становился все пугливее и капризнее, тогда как Гил, никогда самостоятельно не решившийся бы на такую вылазку, теперь вынужден был поддерживать боевой дух и в себе, и в сообщнике.

«Может быть, лучше вернуться?» – громко прошептал Флориэль.

«Раз уж мы сюда забрались... Мы же не делаем ничего плохого. Просто смотрим. По моему, никто – даже лорд – не станет особенно возмущаться по этому поводу».

«Что, если нас поймают? Пошлют на реабилитацию?»

Гил ответил нервным смешком: «Конечно, нет. Если кто-нибудь спросит, скажем, что просто смотрели на яхты – чистую правду».

«Так-то оно так...» – с сомнением протянул Флориэль.

«Ну и пошли тогда», – сказал Гил.

Приятельки направились на юг по бульвару. За «Дамероном» был запаркован «Голубой вымпел», сразу за ним – чуть поменьше, но роскошнее отделанный «Алый вымпел». Рядом громоздился громадный «Галлипул Ирванфорт», дальше – «Хатц-Мародер», еще дальше – блестящий серебром и золотом «Малек-Звездолов»: яхта за яхтой, одна чудеснее другой. Пару раз приятельки подходили под самые корпуса, чтобы прикоснуться к глянцевой обшивке, познавшей неизмеримые расстояния, чтобы рассмотреть поближе эмблемы портов назначения.

На полпути до выезда с территории космодрома им повстречалась яхта, отделенная от носового кронштейна и опущенная горизонтально – по-видимому, для упрощения ремонта. Малолетние злоумышленники подкрались поближе.

«Эй, смотри! – прошептал Гил. – Отсюда видно главный салон – совсем чуть-чуть. Вот это да! Ничего себе!»

«Ух ты! – выразил полное согласие Флориэль. – Это „Ликсон-Трипланж“. У „Трипланжей“ всегда мощные приливы-дефлекторы вокруг иллюминаторов и люков». Флориэль прошел под корму, чтобы изучить портовые эмблемы: «Где они только не побывали! Триптолемус... Дженг... Санреале... Когда-нибудь я научусь читать все названия».

«Мне тоже неплохо было бы научиться читать, – отозвался Гил. – Отец много читает – он меня научит...» Гил удивленно замолчал, так как Флориэль пригнулся и махал на него руками: «Что такое?»

«Гаррион! – прошипел Флориэль. – Прячься!»

Гил во мгновение ока присоединился к приятелю, уже присевшему за опорой, поддерживавшей нос звездолета. Сообщники затаили дыхание. Не выдержав тишины, Флориэль с отчаянием прошептал: «Нам ничего не смогут сделать, даже если поймают. Гаррионы – слуги, только и всего, у них нет никакого права нам приказывать или гоняться за нами, и вообще... Мы же ничего не сломали и не украли».

«Может быть, – поморщился Гил. – Все равно лучше не показываться».

«Это само собой!»

Гаррион прошел мимо характерной для его расы целенаправленной пружинистой походкой. На нем были сбруя-ливрея из светло-зеленых и серых ремней с золотыми пряжками-розетками и серый кожаный берет с зеленым ободком.

Флориэль, гордившийся глубиной и разнообразием своей эрудиции, отважился высказать предположение по поводу того, кто был патроном одинокого гарриона: «Зеленый и серый... Скорее всего, Верг Шалюз. Или Герман Шалюз. Золотистые розетки – ты же знаешь – символизируют энергию, домен Шалюзов».

Гил ничего такого не знал, но кивнул. Приятельки оставались в укрытии долго – пока гаррион не скрылся в здании космического вокзала. Только после этого юные проказники вышли из-за опоры и продолжили экскурсию по бульвару космических яхт, то и дело оглядываясь по сторонам.

«Смотри! – восхищенно выдохнул Флориэль. – „Димм“, черный с золотом! И портал открыт!»

Мальчишки оцепенели, замороженные манящим входом.

«Гаррион отсюда и вышел, – предположил Гил. – Он вернется».

«Не сразу. Мы успеем взойти по рампе и заглянуть внутрь. Никто ничего не узнает».

Гил снова поморщился: «Мне уже сделали выговор за правонарушение».

«А мы ничьи права не нарушаем. В любом случае, кому какое дело? Если кто-нибудь спросит, что мы тут делаем, мы всегда можем сказать, что просто гуляем и смотрим».

«Внутри наверняка кто-нибудь есть», – с сомнением произнес Гил.

Флориэль отвергал такую возможность: «Гаррион, наверное, что-нибудь чинит или чистит. Он ушел за инструментом или за материалом и еще долго не вернется! Давай заглянем – на минутку!»

Гил оценил расстояние от яхты до космического вокзала: не меньше пяти минут ходьбы. Флориэль тянул его за рукав: «Ну пошли! Чем мы хуже барчуков? Посмотрим и сразу уйдем. Увидим хоть разок, как живут лорды!»

У Гила пересохло в горле. Он не мог избавиться от навязчивого воспоминания о визите Эльфреда Кобола, о разговоре агента с отцом. Они с Флориэлем давно переступили все границы дозволенного... И все же... Гаррион далеко, в здании вокзала. Нет же никакого преступления в том, чтобы просто заглянуть в салон?

«Если мы только подойдем ко входу...», – неуверенно произнес Гил.

Но Флориэль уже колебался – по-видимому, он рассчитывал, что Гил наложит вето на явно безрассудное предложение: «Все-таки, может быть, лучше не надо?»

Жестом призывая друга к осторожности, Гил стал потихоньку приближаться к космической яхте. Флориэль последовал за ним.

У основания ramпы они задержались и прислушались. Изнутри не доносилось ни звука. Отсюда можно было рассмотреть, по существу, только внутренность шлюзовой камеры, но за ней дразнящим видением угадывался уголок салона: резное дерево, алая атласная ткань, стеклянная этажерка с металлической утварью – роскошь, казавшаяся почти нереальной. Очарованные, притягиваемые любопытством почти вопреки своей воле, мальчишки украдкой, как кошки в незнакомом доме, поднялись по ramпе. Пригнувшись, чтобы их головы оказались внутри портала, они услышали только размеренное журчание каких-то механизмов.

Выпрямившись и отступив от входа, они одновременно обернулись к зданию космического вокзала. Гаррион не возвращался. С бешено бьющимися сердцами приятели вступили внутрь шлюзовой камеры, заглянули в главный салон – и замерли от восхищения.

Глазам их открылась поистине сказочная картина. Стены салона – помещения длиной метров десять и шириной чуть больше пяти – были обшиты серо-зеленым деревом сэйко и ковровой тканью, пол покрыт толстым пурпурным ковром. В обращенной к носу яхты передней части салона четыре широких ступени поднимались к площадке пульта управления. С кормовой стороны арочный проход вел под прозрачный купол обзорной палубы.

«Чудеса в решете! – выдохнул Флориэль. – Думаешь, у нас когда-нибудь будет такая яхта? Такая красивая?»

«Не знаю, – мрачновато ответил Гил. – Надеюсь... надеюсь, что будет. Да, когда-нибудь у меня будет такая яхта. А теперь пора возвращаться.»

«Слушай! – прошептал Флориэль. – Если бы мы разбирались в астронавигации, то бы могли угнать эту яхту прямо сейчас. Стартовали бы в небо и – прощай, Амброй! И все это было бы наше!»

При всей своей заманчивости идея была совершенно абсурдна. Гил чувствовал, что им давно уже пора было убраться подобру-поздорову. К его ужасу, однако, Флориэль очертя голову бросился в салон и взбежал по ступеням к пульту управления.

Охваченный тревогой, Гил закричал: «Ничего не трогай! Не прикасайся к рычагам!»

«Еще чего! Ты меня за дурака принимаешь?»

Гил с тоской обернулся к выходу: «Пора уходить!»

«Эй, иди сюда! Ты представить себе не можешь, какая тут шикарная штука!»

«Ничего не трогай! – снова предупредил Гил. – А то не поздоровится!» Он зашел в салон на два шага: «Пошли, скорее!»

«Сейчас, я только...» – Флориэль испуганно прервался на полуслове и куда-то уставился.

Обернувшись туда же, Гил увидел девочку, стоявшую в проеме кормовой арки. На ней был роскошный костюм из розового бархата, в том числе мягкий квадратный берет с парой алых лент, спускавшихся за плечи. Темноволосая, с умным, очаровательно подвижным лицом, пышущим румянцем здоровья и энергии, в других обстоятельствах она, несомненно, была бы склонна к игривости, но в этот момент барышня с надменной яростью переводила взгляд с одного оборванца на другого. Гил смотрел на нее, как зачарованный. Неужели это та самая барышня, на которую кукольник указал в антракте между представлениями? В прекрасной незнакомке Гил снова ощутил неудержимо притягательный намек на неуловимую разницу между ней и всеми другими, кого он встречал до сих пор – некое не поддающееся определению качество, отличавшее лордов от людей.

Флоризель, постепенно справившийся с оцепенением, начал боязливо спускаться по ступеням площадки пульта управления. Девочка вышла на пару шагов вперед. За ней в салон проследовал гаррион. Флоризель снова окаменел, прижавшись спиной к перегородке. Он бормотал дрожащими губами: «Мы не сделали ничего плохого, хотели только посмотреть...»

Девочка смерила его строгим взглядом с головы до ног, после чего повернулась, чтобы изучить второго наглеца. С отвращением опустив уголки рта, она обернулась к гарриону: «Вздуй их хорошенько и вышвырни отсюда».

Гаррион схватил Флоризеля, что-то бормотавшего и завывавшего от страха. Гил мог бы отступить и сбежать, но по какой-то причине, неясной для него самого, решил остаться. В любом случае, Флоризелю его присутствие ничем не помогло.

Гаррион бесстрастно нанес Флоризелю несколько ударов – тот вскрикивал и корчился, театрально преувеличивая эффективность наказания. Девочка коротко кивнула: «Достаточно. Теперь другого».

Истерически всхлипывая, Флоризель пробежал мимо Гила и спустился по рампе. Темная фигура гарриона угрожающе приближалась – Гил стоял, не шелохнувшись, изо всех сил стараясь не съезжиться, не отступить. Охранник-лакей схватил его холодными жесткими руками – их прикосновение отдалось странной дрожью, пробежавшей по нервам. Гил почти не чувствовал тщательно отмеренных ударов. Внимание его сосредоточилось на барышне, критически наблюдавшей за избиением. Гил не понимал, как такое изящное, очаровательное создание могло быть настолько бесчувственным. Следовало ли заключить, что жестокость присуща всем исправителям без исключения?

Девочка заметила упорно обращенный на нее взгляд Гила и, вероятно, в какой-то мере угадала его смысл. Она нахмурилась: «А этого нахала отделай еще раз, и построже!»

Гил выдержал несколько дополнительных шлепков и затрецин, после чего кувырком скатился с рампы, направляемый мощной дланью гарриона.

Флоризель боязливо ждал в отдалении – метрах в пятидесяти. Поднявшись с земли, Гил сразу поднял лицо к порталу яхты, но там уже никого не было. Отвернувшись, он присоединился к Флоризелю. Не говоря ни слова, приятели побрели назад по бульвару.

Им удалось проникнуть в здание вокзала, не обратив на себя внимание охраны. Снова вспомнив о ненависти Амианте к Обертренду, на этот раз Гил настоял на возвращении домой пешком – предстояло пройти около шести километров.

По дороге Флоризель взорвался: «Лорды! Мерзкая порода! Видел, как эта девчонка забавлялась? Обращаются с нами, как с грязью! Как будто от нас воняет! При том, что моя мать – троюродная сестра мэра! Я им еще покажу в один прекрасный день! И это не пустые слова – сегодня моему терпению пришел конец!»

Гил горестно вздохнул: «Она могла бы обойтись с нами и получше, спору нет. Но могло быть и хуже. Гораздо хуже».

Флоризель – взъерошенный, с лицом, искаженным от раздражения – взглянул на спутника с недоумением: «А? Ты про что? Она ж приказала нас побить! А сама глазела и ухмылялась!»

«Она могла бы узнать наши имена. Знаешь, что бы с нами сделали, если бы она донесла агентам Собеса?»

Флоризель поник головой. Приятели побрели в Брюбен. Опускаясь в зареве цвета золотистого пива, заходящее солнце ласкало их лица янтарным огнем.

Глава 5

В Амброе настала осень, за ней пришла зима: время пронизывающих холодом дождей и туманов, когда развалины покрываются черным и сиреневым лишайником, придающим дряхлому городу некое подобие унылого величия, в сухое время года недостающее. Амианте закончил работу над великолепной панелью, не только причисленной к разряду «Акме», но и послужившей поводом для объявления ему гильдией особой благодарности за выдающееся достижение, по поводу чего мастер тихо радовался.

Кроме того, ему нанес визит представляющий гильдию храмовый акробат – молодой человек с напряженным костлявым лицом, в багряно-красном жилете, черном цилиндре и каштановых бриджах, плотно облежавших массивные ноги, сплошь покрытые буграми мышц, превратно развитых за долгие годы исполнения ритуалов. Акробат пришел укорять Амианте за то, что тот позволяет Гилу вести беззаботную жизнь: «Почему ваш сын не участвует в духовном самопожертвовании? Почему не изучает даже азбучные выкрутасы? Ему неизвестны ни обряды, ни зубрежи, ни славословия! Разве пристало недорослю не прыгать вместе со всеми? Каждый обязан выполнять добровольный долг перед Финукой!»

Амианте вежливо слушал знатока храмовых таинств, продолжая, однако, работать стамеской. Когда посетитель прервался, Амианте ответил тихо и примирительно: «Он еще слишком мал, чтобы мыслить самостоятельно. Если он родился с предрасположением к благочестию, оно скоро проявится, и тогда он быстро наверстает упущенное».

Храмовый прыгун не на шутку взволновался: «Заблуждение! Обучение лучше всего начинать в самом раннем возрасте. Посмотрите на меня! Еще в младенчестве я выполз на ковер со священным орнаментом! Первыми словами в устах моих были строки из „Апофеоза“ и „Симуляций“! Что может быть лучше? Учите ребенка, пока он не вырос! А теперь он потерялся в духовной пустоте, готовый подвергнуться влиянию любого чужеродного культа! Поспешим наполнить душу его неисповедимыми меандрами Финуки!»

«Я объясню ему вашу точку зрения, – кивнул Амианте. – Может быть, это побудит его к богослужению, кто знает?»

«Ответственность несут родители! – нараспев произнес храмовый прыгун. – Когда вы в последний раз совершали праведные прыжки? Подозреваю, что с тех пор прошли многие месяцы!»

Амианте оторвался от работы и задумался, производя в уме какие-то расчеты, после чего снова кивнул: «Да, как минимум... многие месяцы».

«Вот видите! – торжествовал прыгун. – В том-то и дело!»

«Вполне вероятно. Ну что ж, я поговорю с сыном сегодня же, через некоторое время».

Храмовый представитель гильдии приступил было к дальнейшим нравоучениям, но Амианте казался настолько поглощенным работой, что ревнитель благочестия обреченно покачал головой, осенил себя священным знаменем и удалился.

Когда прыгун выходил, Амианте обернулся к двери и проводил его ничего не выражающим взглядом.

Со временем, однако, Гилу пришлось считаться с правилами системы соцобеспечения. Когда ему исполнилось десять лет, его зачислили в гильдию резчиков по дереву. Сам он предпочел бы гильдию мореходов, но туда принимали только сыновей потомственных членов корпорации.

По такому случаю Амианте нарядился в церемониальный костюм, приличествующий на собраниях гильдии: узкий в плечах коричневый фрак с развевающимися фалдами, черной тесьмой окантовки швов и резными пуговицами, галифе с двойным вертикальным пунктиром

белых простежек по обеим сторонам и рыжеватую фетровую шляпу сложной конструкции, с козырьком, черными кисточками и медалями гильдии. Гил впервые надел брюки (раньше он ходил в сером детском комбинезоне), темно-бордовую куртку и щегольской берет из лощенной кожи. Отец и сын вместе пришли в собрание гильдии.

Процесс инициации, включавший дюжину обрядов, традиционные вопросы и ответы, зачитывание перечня обязанностей и принятие присяги, занял много времени. Гил уплатил взнос за первый год и получил первую медаль, причем цеховой мастер, в заключение торжественной церемонии, собственноручно закрепил ее у него на берете.

Покинув президиум гильдии, Гил и Амианте направились на восток по бывшему купеческому кварталу, Меркантиликуму, к районному управлению Собеса Восточного посада. Здесь им предстояли дальнейшие формальности. Гил прошел медицинское обследование с регистрацией индивидуальных характеристик, у него на правом плече вытатуировали номер получателя пособий. С этих пор, с точки зрения агентства, он считался несовершеннолетним иждивенцем и мог самостоятельно пользоваться консультациями Эльфреда Кобола. Ги́ла спросили об успехах в храмовой школе; он вынужден был признать полное отсутствие таковых. Квалифицирующий инспектор и районный писарь некоторое время взирали на Ги́ла и Амианте, недоуменно подняв брови, но в конце концов пожали плечами. Писарь занес в анкету заключение: «В настоящее время квалификации не имеет; статус родителя сомнителен».

Инспектор обратился к Ги́лу сдержанно и неторопливо: «Для того, чтобы принимать всестороннее участие в общественной жизни, необходимо прилежно посещать занятия в Храме, в связи с чем я зачисляю тебя в общее подразделение послушников, не имеющих особых льгот и привилегий. Четыре часа в неделю ты должен вносить добровольный духовный вклад при Храме, в том числе различные обложения и благочестивые дары. Так как ты в некоторой степени – по сути дела существенно – недоразвит, тебе следует посещать специализированный класс внушения... Ты что-то сказал?»

«Я спросил, необходимо ли вообще посещение Храма, – запинаясь, пробормотал Гил. – Мне просто хотелось бы знать...»

«Обучение в Храме не относится к числу обязательных видов общественной деятельности, – прервал его инспектор. – Тем не менее, оно настоятельно рекомендуется – в той мере, в какой любой другой духовный инструктаж представляется нелегальным. Таким образом, тебе надлежит явиться в храмовое управление по воспитанию молодежи завтра в десять часов утра».

Амианте тоже назначили персонального консультанта, и Ги́лу волей-неволей пришлось отправиться в центральный храм Финуки, что в районе Като. Служитель выдал ему бледно-красный плащ с поясными подвязками для упрощения прыжков, учебник с иллюстрациями и разъяснениями великого плана Финуки и схемы простейших выкрутасов, после чего отвел его в орнаментарий для групповых занятий.

Гил не блистал успехами в храмовой школе – его далеко опережали не только сверстники, но и дети гораздо младшего возраста, с легкостью исполнявшие изощренные выкрутасы, перепархивая длинными прыжками от одной эмблемы к другой, пританцовывая и кружась в пируэтах, прикасаясь вытянутыми носками к священным символам, презрительно перелетая через черные и зеленые штрафные клетки «провинностей», молниеносно пробегая по крайним рядам и бдительно не наступая на красные «дьявольские метки».

Дома Амианте, снова ощутивший внезапный прилив энергии, учил Ги́ла читать и писать по табелю третьего ранга. Кроме того, по настоянию отца Гил посещал занятия по математике при школе гильдии.

Теперь Гил был постоянно занят. Старые добрые дни безделья и бродяжничества вспоминались, как смутный сон. На следующий день рождения Амианте вручил ему отборный щит арзака – чтобы Гил вырезал ширму по своему рисунку.

Гил выбрал один из подготовленных эскизов – симпатичную композицию, изображавшую мальчишек, карабкающихся на фруктовые деревья – и приспособил его к естественному узору дерева.

Амианте одобрил набросок: «Подойдет – причудливо и весело. Нет ничего лучше веселой поделки. Радость быстротечна; неудовлетворенность и скука – наши вечные спутники. Люди, любующиеся панелями, имеют право ожидать, что они скрасят им существование в той мере, в какой это возможно, даже если такое облегчение – не более, чем абстракция».

Цинизм отца вызвал у Гила инстинктивный протест: «Радость – не абстракция! Почему люди довольствуются иллюзиями, если действительность полна настоящих переживаний? Не лучше ли действовать, чем предаваться мечтам?»

Амианте, разумеется, пожал плечами: «Прекрасные мечты доступны в изобилии, а осмысленные поступки редки. Предпочтения людей могут объясняться этим простым обстоятельством».

«Но поступки реальны! Любое действие важнее тысячи иллюзий!»

Амианте мрачно улыбнулся: «Что, если действия иллюзорнее, чем мечты? Кто знает? Фортинон – древняя страна. Миллиарды рождались здесь и умирали, пропадая, как бледные силуэты рыб в глубинах океана времени. Вот они поднимаются к озаренному солнцем мелководью, сверкая чешуей на несколько мгновений – и вот они уже тонут в вечных сумерках».

Гил нахмурился, подойдя вплотную к янтарным просветам двери, позволявшим видеть искаженную выпуклым стеклом картину Ондл-сквера: «Я не рыба. Ты не рыба. Мы живем не в океане. Ты – это ты, а я – это я, и мы живем в нашем доме». Он бросил инструменты на верстак и вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Прогулявшись на север по Вейжу, он по старой привычке взобрался на холмы Данкума. Там, к своей досаде, он обнаружил двух маленьких мальчиков и девочку лет семи или восьми, сидевших в траве и бросавших камешки с обрывистого берега. Их болтовня казалась невыносимо шумной в месте, где Гил провел столько времени в размышлениях. На возмущенный взгляд незнакомого подмастерья дети ответили растерянным недоумением. Гил отправился на север по длинному гребню, полого спускавшемуся к грязевым отмелям Додрехтена. По пути он вспомнил Флориэля – они давно не виделись. Флориэля зачислили в гильдию литейщиков. Когда они встретились в последний раз, Флориэль щеголял в черной кожаной тубетейке, едва державшейся на копне кудрей, производившей странное впечатление для подростка его возраста. Флориэль держался несколько отчужденно. Гил решил, что его приятель, несмотря на безрассудные мальчишеские проекты, образумился и решил приобрести профессию.

Вернувшись домой ближе к вечеру, Гил застал отца за необычным занятием: Амианте просматривал папку с драгоценными документами из коллекции, хранившейся в кабинете на третьем этаже.

До сих пор Гил видел содержимое этой папки лишь издали. Заинтересованный, он подошел и встал за спиной отца, бережно изучавшего старинные манускрипты – каллиграфические письма с иллюстрациями и орнаментами. Гил заметил также несколько обрывков пергамента чрезвычайной древности, испещренных ровными строками мелких символов, на удивление единообразных и точно воспроизведенных. Озадаченный, Гил пригнулся, прищурился: «Кто писал эту мелочь? Какая твердость руки! Они что, муравьев дрессировали? Ни один из нынешних писарей так не умеет!»

«Это не письмо, это печать, – сказал Амианте. – Воспроизведение сотен и тысяч экземпляров, копирование в огромных масштабах. В наши дни печать, конечно, запрещена».

«Как это делается?»

«Насколько мне известно, существуют различные методы. Иногда резные кусочки металла покрывают краской и прижимают к бумаге, иногда поток невидимого света мгновенно покрывает бумагу почерневшими символами, иногда символы выжигаются на бумаге

через матрицу. Я об этих процессах знаю только понаслышке, но на других планетах, судя по всему, они еще применяются».

Некоторое время Гил рассматривал архаические буквы и любовался яркой расцветкой виньеток. Амианте, раскрывший небольшую брошюру, тихо усмехнулся. Гил с любопытством обернулся: «Что ты читаешь?»

«Ничего особенного. Попалось старое объявление о продаже электрических моторных лодок заводом „Биддербасс“ в Люшейне. Цена: двести цехинов».

«Что такое цехины?»

«Деньги. Что-то вроде талонов Собеса. По-моему, этот завод в Люшейне уже не существует. Может быть, их лодки не пользовались спросом. А может быть, владельцы Обертренда наложили эмбарго. Трудно сказать – нет никаких достоверных исторических записей, по крайней мере в Амброе, – Амианте печально вздохнул. – Каждый раз, когда нужно что-нибудь узнать, обнаруживается, что не осталось никаких сведений... И все же, судя по всему, нам не пристало роптать на судьбу. История знавала гораздо худшие времена. В Фортиноне, в отличие от Борределя, нет настоящей нужды. Богатства, конечно, тоже нет, если не считать сокровища лордов. Но нищими нас назвать трудно».

Гил продолжал изучение печатных букв: «Это трудно читать?»

«Нет, не очень. Хочешь научиться?»

Гил колебался – у него и так ни на что не оставалось времени. Для того, чтобы когда-нибудь увидеть Дамар, Морган и чудесные миры Дженга, нужно было долго и упорно зарабатывать талоны (он уже начинал понимать несбыточность мечты о приобретении яхты). Тем не менее он кивнул: «Да, я хочу читать».

Амианте, казалось, обрадовался: «У меня самого это не всегда хорошо получается, и я не понимаю многие старинные выражения – но мы как-нибудь вместе разберемся».

Отодвинув инструменты, Амианте расстелил скатерть на размеченном, только начатом щите, разложил обрывки документов, принес перо и бумагу и срисовал несколько неразборчивых древних символов.

В течение нескольких следующих дней Гил пытался освоить архаическую систему письма – не такую простую, как он предполагал первоначально. Амианте не умел переводить эти символы, пользуясь пиктограммами табеля первого ранга, пиктографической скорописью или даже силлабарием третьего ранга. Даже после того, как Гил научился распознавать символы и составлять из них слова, приходилось разгадывать смысл древних идиом и ссылок на таинственные понятия, о которых Амианте не мог сказать ничего определенного.

Однажды Эльфред Кобол, навещавший мастерскую, застал Гила за копированием древнего пергамента. Амианте тоже не работал, а размышлял и грезил над своей папкой документов. Раздраженный Эльфред, подбоченившись, остановился в дверном проеме: «Так-так! Что у нас тут делается, в мастерской резчиков по дереву, старшего и младшего иждивенцев Тарвоков? С каких пор вы занялись писарским ремеслом? Только не рассказывайте мне, что готовите новые орнаменты для резьбы, меня не проведешь». Эльфред подошел ближе, внимательно просмотрел письменные упражнения Гила: «Архаический шрифт, а? Зачем, спрашивается, резчику по дереву архаический шрифт? Даже я, агент Собеса, не умею его читать».

Отвечая, Амианте проявил больше волнения, чем обычно: «Не следует забывать о том, что мы не можем резать по дереву непрерывно, днем и ночью».

«Разумеется, – отозвался Эльфред. – Судя по количеству работы, проделанной с тех пор, как я нанес вам предыдущий визит, вы почти не затрудняли себя резьбой ни днем, ни ночью. Еще несколько недель такого тунеядства, и вам обоим придется жить на минимальное пособие».

Амианте взглянул на почти законченную ширму, прикидывая, когда он сможет ее сдать: «Всему свое время».

Обходя старый массивный стол, Эльфред Кобол заглянул в лежавшую перед Амианте раскрытую папку. Амианте протянул было руку, чтобы захлопнуть ее, но в последний момент сдержался. Такой поступок только возбудил бы лишние подозрения в человеке, чья профессия заключалась в том, чтобы совать нос в чужие дела.

Эльфред не прикоснулся к папке, но нагнулся над ней, заложив руки за спину: «Любопытные старинные бумаги». Указав пальцем на пожелтевший листок, он спросил: «Печатный материал, насколько я понимаю. Сколько ему лет, как вы думаете?»

«Трудно сказать с уверенностью, – ответил Амианте. – В тексте упоминается Кларенс Тованеско, так что ему не может быть больше тысячи трехсот лет».

Эльфред Кобол кивнул: «По-видимому, местная печать. Когда вступили в силу постановления, запрещающие дублирование?»

«Примерно через пятьдесят лет после того, как вышла эта газета, – движением головы Амианте указал на лежавший перед ним обрывок. – Таково мое предположение, конечно, наверняка ничего не известно».

«В последнее время не часто приходится видеть печатный текст, – размышлял вслух Эльфред Кобол. – Теперь даже контрабанду со звездолетов практически не выносят, хотя во времена моего деда этим занимался каждый турист. Возникает впечатление, что народ стал законопослушным, что, конечно, упрощает жизнь агентам Собеса. Нелегалы, однако, распоясались – вандалы, воры, хаотисты, всякая нечисть!»

«Никчемная группа населения, в общем и в целом», – согласился Амианте.

«В общем и в целом? – Эльфред яростно фыркнул. – Целиком и полностью! Они ничего не производят, они – опухоль на общественном организме! Преступники, сосущие нашу кровь, мелочные торгаши, постоянно нарушающие заведенный порядок учета и регистрации!»

Амианте больше нечего было сказать. Эльфред Кобол повернулся к Гилу: «А в твои годы стыдно тратить время на бесполезную эрудицию – прислушайся к моим словам! Ты не писарь, никто тебе за это не заплатит. Кроме того, мне доложили, что ты пропускаешь занятия в Храме и научился исполнять только простейший выкрутас с полуповоротом и реверансом. Подтянись-ка, молодой иждивенец Тарвок, нужно чаще тренироваться! И побольше времени проводить со стамеской в руках!»

«Так точно! – послушно отозвался Гил. – Будем стараться».

Эльфред Кобол дружески хлопнул его по спине и вышел из мастерской. Амианте вернулся к изучению своей папки. Но у него испортилось настроение: он перелистывал документы, не вчитываясь, торопливыми раздраженными движениями.

Уже через несколько минут Амианте с досадой выругался. Обернувшись, Гил увидел, что отец в раздражении нечаянно порвал одну из бумаг – продолговатую, хрупкую от времени вырезку из газеты с забавными карикатурами на трех давно забытых политических деятелей.

После этой вспышки Амианте долго сидел в каменной неподвижности, составляя в уме какие-то планы. Посвящать в них сына он, видимо, не собирался. Через некоторое время Амианте встал, не говоря ни слова, набросил на плечи коричневую с синей подкладкой накидку, предназначенную для праздничных дней, и куда-то ушел. Подойдя к двери, Гил успел заметить, что отец пересек площадь по диагонали и углубился в переулок, ведущий к району Нобиле и пользующимся дурной славой портовым кварталам.

Гил, тоже ощущавший смутное беспокойство, больше не мог сосредоточиться на переписывании букв. Неохотно попытавшись повторить несколько замысловатых па очередного храмового выкрутаса, он вернулся к работе над ширмой и провел за этим занятием остаток дня.

Амианте вернулся, когда солнце уже скрылось за крышами зданий, окружавших Ондлсквер. Он принес несколько пакетов. Разложив их на полке в шкафу без пояснений, Амианте послал Гила купить паштет из морской капусты и лук-порей – чтобы приготовить салат на ужин. Гил отправился за продуктами не торопясь, без энтузиазма: на плите оставалось

не меньше половины кастрюли остывшей каши, и Амианте, обычно скупившийся, когда речь шла о расходах на пропитание, не стал бы тратить на овощи, если бы на то не было особой посторонней причины. Что у него не уме? Гил остерегался спрашивать. В лучшем случае Амианте ответил бы расплывчатой, ничего не значащей фразой. В худшем – притворился бы, что не слышал вопрос.

«Странно! – думал Гил. – Намечаются перемены». Полный тревожных предчувствий, Гил зашел в лавку зеленщика и к торговцу морскими консервами. За ужином Амианте вел себя так, что любой другой не заметил бы ничего из ряда вон выходящего. Гил, однако, понимал, что наступил кризис. Амианте, от природы неразговорчивый, заставлял себя отрываться от мрачного созерцания миски и пытался завязать непринужденную беседу. Он расспросил Гила о занятиях в храмовой школе, хотя раньше никогда не проявлял к этой стороне жизни никакого интереса. Гил промямлил, что с ритуальными прыжками он более или менее справляется, хотя зубрежка катехизиса дается ему с трудом. Амианте кивнул, но Гил не мог не видеть, что мысли отца блуждали в облаках. Немного погодя Амианте спросил, не встречается ли Гил в храмовой школе с Флориэлем – будучи сверстниками, они должны были тренироваться примерно в одно и то же время.

«С придурию он, твой Флориэль... – заметил между прочим Амианте. – С кем поведется, на того и молится – возникает такое впечатление. И что-то есть в нем извращенное, я бы не стал на него полагаться».

«Мне тоже так кажется, – отозвался Гил. – Хотя теперь, говорят, он прилежно работает в гильдии и занят сверх головы».

«Ну-ну. Разумеется, как еще?» – Амианте не скрывал иронии, как если бы считал противоположные наклонности – к праздному или нелегальному времяпровождению – нормой подросткового развития.

Снова наступило молчание. Амианте хмурился, глядя в миску – будто обнаружил, что ест нечто возмутительное. Затем, даже не пытаясь связать свои слова с предыдущей частью разговора, Амианте завел речь об Эльфреде Коболе: «Он по-своему желает нам добра, этот агент. Но он пытается примирить множество несовместимых вещей. А это невозможно, и он никак не может успокоиться, его все время что-то мучает. Поэтому он и не сделал большую карьеру, и никогда не сделает».

Гил заинтересовался мнением отца: «А мне он никогда не нравился. Крикун. Без конца всех погоняет и поучает».

Амианте улыбнулся и снова отвлекся, думая о чем-то своем. Через несколько секунд, однако, он заметил: «Хорошо, что к нам приставили Эльфреда, а не кого-нибудь другого. С вежливыми агентами труднее иметь дело. Гладкая поверхность пропитывается хуже шероховатой... Хотел бы ты стать агентом Собеса?»

Гил никогда не думал о такой возможности: «Я же не Кобол. Наверное, проверять соблюдение законов выгоднее, чем их соблюдать. Говорят, им выплачивают премиальные талоны. Но я хочу быть лордом».

«Естественно – кто не хочет быть лордом?»

«Это невозможно?»

«Только не в Фортиноне. Они в свой круг посторонних не допускают».

«А на своей родной планете они тоже были лордами? Или просто иждивенцами, вроде нас?»

Амианте покачал головой: «Когда-то – давным-давно – я работал на инопланетное информационное агентство и мог бы спросить, но тогда мои мысли были заняты другими вещами. Не знаю, откуда прилетели лорды-исправители. Может быть, с Аль-Ода, а может быть с Земли. Говорят, Земля – первая планета, откуда произошли все люди».

«А почему лорды живут именно здесь, в Фортиноне? – не успокаивался Гил. – Почему бы им не поселиться в Салуле или в Люшейне, или на Манговых островах?»

Амианте пожал плечами: «По той же причине, надо полагать, по какой и мы с тобой живем в Фортиноне. Здесь мы родились, здесь живем, здесь и умрем».

«А если бы я уехал в Люшейн и выучился на астронавта, лорды наняли бы меня навигатором космической яхты?»

Амианте с сомнением поджал губы: «Прежде всего, на астронавта выучиться не так уж просто. Это популярная профессия».

«А ты когда-нибудь хотел стать астронавтом?»

«О, разумеется! Я мечтал о космосе. И все же – может быть, лучше резать по дереву. Кто знает? По меньшей мере мы не голодаем».

Гил хмыкнул: «Но мы никогда не станем финансово независимыми».

«И то верно», – поднявшись на ноги, Амианте собрал грязную посуду, подошел к кухонной раковине и принялся тщательно чистить миску песком, пользуясь минимальным количеством воды.

Гил наблюдал за этой процедурой с отстраненным любопытством. Он знал, что Амианте жалел каждый чек, причитавшийся лордам. Механизм оплаты интересовал Гиля. Он спросил: «Лорды забирают один и восемнадцать сотых процента всего, что мы производим, правильно?»

«Таков налог, – подтвердил Амианте. – Один и восемнадцать сотых процента стоимости всего, что ввозится и вывозится».

«А тогда почему мы все время экономим воду и энергию, почему всегда ходим пешком? Разве налога не достаточно?»

Как только речь заходила о счетах, выставляемых лордами, на лице Амианте появлялось упрямое, даже озлобленное выражение: «Счетчики! Повсюду счетчики! Подсчитывают все, кроме воздуха, которым мы дышим. Даже на канализационных трубах поставили счетчики. Собес удерживает с каждого иждивенца, пропорционально объему использования сооружений, плату, достаточную для возмещения расходов лордам и содержания самих агентов Собеса и прочих чиновников. Иждивенцам остается совсем немного».

Гил с сомнением кивнул: «А как сооружения достались лордам?»

«Это произошло больше полутора тысяч лет тому назад. Фортинон часто воевал – с Борределем, с Манговыми островами, с Ланкенбургом. До того были Звездные войны, а еще раньше – Кошмарная война, и так далее, бесчисленные войны. Последняя война, с императором Рискейни и его белоглазыми солдатами, привела к уничтожению города. Амброй лежал в руинах – башни обрушились, уцелевшее население дичало. На звездолетах прибыли лорды-исправители и навели порядок. Наладили выработку энергии, восстановили систему водоснабжения, построили транспортные магистрали, прочистили и отремонтировали канализацию, организовали импорт и экспорт товаров. За все это они потребовали – и получили – один процент. Впоследствии им уступили еще восемнадцать сотых процента за постройку космопорта. С тех пор так и повелось».

«И незаконное дублирование запретили тогда же?»

Амианте поджал тонкие чувственные губы: «Нет, первые ограничения ввели около тысячи лет тому назад, когда наши изделия стали пользоваться высокой репутацией».

«Значит, раньше на протяжении всей истории люди занимались дублированием?» – с опасливым изумлением осведомился Гил.

«В той мере, в какой это считалось необходимым», – Амианте уже спускался в мастерскую, чтобы продолжить отделку панели. Гил занялся мытьем оставшейся посуды, пытаясь представить себе дикое существование древних народов, не руководствовавшихся правилами Собеса. Закончив уборку на кухне, он тоже спустился к верстаку и некоторое время старательно вырезал свою ширму. Потом он наблюдал за работой Амианте, полировавшего уже

блестящие поверхности и удалявшего последние заусенцы из безупречно гладких канавок. Гил пытался возобновить разговор, но Амианте потерял всякое расположение к болтовне. В конце концов Гил пожелал отцу спокойной ночи и поднялся на третий этаж. Подойдя к окну, он выглянул на Ондл-сквер, представляя себе мириады людей, ходивших по улицам древнего города, триумфально маршировавших, бежавших после поражения... В небе призраком из голубоватых, розоватых и бронзовых пятен парил Дамар, придававший перламутровый оттенок фасадам старых домов.

Прямо под окном мостовую озарял свет из мастерской. Амианте, предпочитавший дневное освещение хотя бы потому, что за него не нужно было платить лордам, припозднился за работой – само по себе достопримечательное обстоятельство! Окна других домов, окружавших площадь, чернели непроницаемыми провалами – соседи тоже экономили энергию.

Когда Гил уже собирался закончить созерцание пустынной площади, полосы света, струившегося из мастерской, затрепетали и почти исчезли, приглушенные шторами-жалюзи. Гил смотрел на мостовую в недоумении. Амианте не был человеком скрытным; его можно было обвинить разве что в некоторой уклончивости и склонности к невеселым размышлениям в одиночестве. С какой целью, в таком случае, он закрыл жалюзи? Не существовала ли связь между не характерной для отца скрытностью и пакетами, принесенными им до наступления темноты?

Гил присел на койку. В принципе правила Собеса не запрещали иждивенцам заниматься личными делами и вести себя скрытно – в той мере, в какой не нарушался общественный порядок. Практически это означало, однако, что на любой не регламентированный вид деятельности следовало получать предварительное разрешение от представителя Собеса.

Гил напряженно думал, схватившись обеими руками за простыню. Он боялся вмешиваться в отцовские дела, боялся обнаружить что-нибудь постыдное как для Амианте, так и для себя самого. И все же... Гил неохотно поднялся на ноги и стал потихоньку спускаться по лестнице, стараясь одновременно не производить шум и не выглядеть так, будто он шпионит – он не хотел, чтобы отец его заметил, но еще больше не хотел думать о себе, как о соглядатае и доносчике.

Этажом ниже, на кухне, было теплее и все еще пахло кашей с едковатым привкусом морской капусты. Гил приблизился к квадрату желтого света, пересеченному тенями балясин лестничных перил... Свет погас – Гил замер. Значит, Амианте решил подняться в спальню? Но привычный звук шагов отца, поднимающегося по лестнице, не раздавался. Амианте остался в темной мастерской!

Впрочем, не в такой уж темной. Лестницу озарил внезапный сполох синевато-белого света – примерно на секунду. Еще через секунду забрезжило какое-то тусклое мерцание. Гил, теперь не на шутку встревоженный, подкрался к перилам на четвереньках и заглянул вниз, в мастерскую.

Несколько мгновений Гил смотрел, широко раскрыв глаза и не понимая того, что видел – сердце его билось так сильно, что он опасался выдать свое присутствие. Но отец, погруженный в работу, ничего не слышал. Амианте регулировал некий механизм, очевидно собранный на скорую руку: коробку из жесткого волокна, примерно два локтя в длину и локоть в ширину и высоту, с выступающей посреди переднего торца трубкой. Потом Амианте подошел к неглубокой ванночке и нагнулся, приглядываясь к чему-то, тускло блестевшему в жидкости. Покачав головой, он прищелкнул языком, явно раздосадованный. Потушив все огни, кроме одной красноватой лампочки, Амианте снял крышку с другой ванночки и погрузил лист жесткой белой бумаги во что-то вроде вязкого сиропа. Наклоня бумагу то в одну, то в другую сторону, он осторожно стряхнул с нее лишние капли сиропа, после чего закрепил лист на раме перед коробкой и нажал на переключатель. Из трубки вырвался ослепительный сноп синевато-белого света. На мокром листе бумаги появилось яркое изображение.

Свет погас. Амианте быстро подхватил лист бумаги, разложил его на верстаке, обсыпал слоем мягкого черного порошка и принялся тщательно растирать порошок валиком. Приподняв лист, он стряхнул лишний порошок и опустил бумагу в ванночку. Включив свет, Амианте с нетерпением нагнулся над ванночкой, разглядывая изображение. Вскоре он удовлетворенно кивнул, взял первый лист, скомкал его и отбросил в сторону. Вернувшись к столу, он стал покрывать сиропом следующий лист бумаги.

Гил смотрел, как замороженный – он понял, чем занимался отец, понял слишком хорошо. Тайное стало явным! Отец нарушал строжайшее, важнейшее из правил Собеса.

Амианте дублировал.

Гил с ужасом уставился на отца – как если бы перед ним был незнакомец, от которого можно было ожидать чего угодно. Его совестливый, прилежный отец, заслуженный мастер резьбы по дереву – дублировщик? Невероятный, но неоспоримый факт! Гил даже усомнился – не спит ли он? Действительно, нелепость происходящего чем-то напоминала сон.

Тем временем Амианте заменил вставленную в коробку проектора пластинку и точно сфокусировал изображение на чистом листе бумаги. Гил узнал один из отрывков из отцовской коллекции древних документов.

Теперь в движениях Амианте прибавилось уверенности. Он сделал две копии документа, после чего приступил к дублированию других бумаг из драгоценной папки.

Немного погодя Гил пробрался вверх по лестнице в спальню, внутренне запрещая себе делать какие-либо выводы. Было слишком поздно. Он не хотел думать. Но одно мрачное опасение никак не давало ему заснуть: жалюзи на окнах мастерской пропускали полосы света. Любой человек, проходивший по площади, мог заметить странные вспышки и задуматься над их происхождением. Гил снова выглянул из окна. Циклически повторявшееся включение-выключение света с последующими ярко-голубыми вспышками привлекало внимание и вызывало подозрения. Почему Амианте проявлял такую неосторожность? Неужели, отвлеченный размышлениями о других странах и временах, он забыл, где и когда живет?

К огромному облегчению Гиля, Амианте все-таки утомился и прекратил незаконную деятельность. Гил слышал, как он ходил туда-сюда по мастерской, складывая оборудование.

Амианте медленно поднялся по лестнице. Гил притворился, что спит. Амианте улегся в постель. Гил открыл глаза и чего-то ждал – ему казалось, что отец тоже не смыкает глаз, возбужденный преступными замыслами... В конце концов Гил задремал.

Утром Амианте вел себя так, будто ничего не произошло. Завтракая кашей с рыбными хлопьями, Гил сосредоточенно размышлял. За предыдущий вечер Амианте скопировал восемь или десять документов из своей коллекции. Скорее всего, он собирался продолжать дублирование. Следовало как-то намекнуть на то, что вспышки проектора и мигание света в мастерской заметны с улицы. Из всех сил стараясь придать голосу выражение полного равнодушия, Гил спросил: «Вчера вечером ты чинил светильники?»

Амианте удивленно взглянул на сына – брови его взметнулись и тут же почти смущенно опустились. Трудно было представить себе человека, более неспособного к притворству: «Э-э... почему ты спрашиваешь?»

«Я смотрел в окно и видел, как ты включаешь и выключаешь свет. Ты опустил шторы, но остались щели, а с улицы заметно, как мигают лампы. Что-нибудь перегорело?»

«Что-то в этом роде, – ответил Амианте, потирая лоб. – Так что же – тебе сегодня в Храм?»

Гил запомнил: «Ох. А я так и не выучил упражнения!»

«Ничего – что получится, то получится. Не все появляются на свет прирожденными прыгунами».

Гил провел неприятнейшее утро в храмовой школе, неуклюже повторяя простейшие скачки, в то время как дети из благочестивых семей, на несколько лет младше Гила, исполняли элементарный выкрутас с акробатическим изяществом, заслуживая похвалы прыгуна-вожатаго. Что еще хуже, в тренировочный орнаментарий зашел третий заместитель эквилибриста-настоятеля. Неповоротливые курбеты Гила, то и дело терявшего равновесие, вызвали у священнослужителя такое негодование, что тот с отвращением воздел руки к небу и удалился, не находя слов.

Вернувшись домой, Гил обнаружил, что Амианте приступил к изготовлению новой ширмы. Вместо обычного арзака он выбрал панель дорогостоящего инга, высотой чуть меньше своего роста и шириной больше обхвата. Всю вторую половину дня Амианте переносил на панель подготовленный эскиз – рисунок, сразу производивший глубокое впечатление. Гил невольно усмехнулся, поразившись непоследовательности отца, советовавшего выбирать веселые сюжеты, но отдавшего предпочтение картине, проникнутой меланхолией. На эскизе за ажурной решеткой с листовными гирляндами почти скрывались маленькие серьезные лица – разные, непохожие, объединенные лишь тревожно напряженной сосредоточенностью взоров. Сверху благородными каллиграфическими символами были начертаны три слова: «ПОМНИ ОБО МНЕ!»

Позже, ближе к вечеру, Амианте потерял интерес к новой панели. Он зевнул, потянулся, встал, подошел к выходной двери и выглянул на площадь, заполненную суетливым потоком горожан, возвращавшихся с работы из других районов: грузчиков, плотников судостроительных верфей, механиков, резчиков по дереву, металлу и камню, купцов и продавцов, писарей и конторских служащих, поваров, пекарей, мясников, чистильщиков рыбы и птицы, рыбаков, считывателей счетчиков и работников Собеса, уборщиц, гувернанток, сиделок, врачей и зубодерок (последние профессии в Фортиноне поручались исключительно женщинам).

Якобы пораженный неожиданной мыслью, Амианте закрыл дверь, подошел к окну и принялся рассматривать и ощупывать шторы. Задумчиво потирая подбородок, он мельком покосился на Гила, но тот сделал вид, что ничего не замечает.

Вынув из шкафчика бутылку, Амианте налил два стакана цветочного тростникового вина, сладковатого и некрепкого, поставил один под рукой у Гила и принялся прихлебывать из другого. Подняв глаза, Гил не мог поверить, что этот высокий, слегка склонный к полноте человек со спокойным бледноватым лицом, в какой-то степени замкнутый, но в общем и в целом мягкий и доброжелательный, был решительным, даже опрометчивым преступником, вчера вечером точными движениями колдовавшим в мертвенно-красной полутьме над запрещенной аппаратурой. Если бы только все это привиделось в кошмарном сне! Агенты Собеса, всегда готовые помочь и смотревшие сквозь пальцы на мелкие прегрешения, безжалостно и неумолимо преследовали злостных нарушителей. Гил видел однажды, как иждивенца, убившего жену, тащили на реабилитацию. От одной мысли о возможности такого обращения с Амианте у него все переворачивалось в желудке.

Амианте, между тем, критиковал произведение Гила: «Здесь, где выступают стволы, рельеф сделай поглубже... Ты же хочешь создать жизнерадостную атмосферу – дети расшались в загородном саду. Зачем приглушать эффект излишней тонкостью штрихов?»

«Хорошо, – буркнул Гил. – Вырежу поглубже».

«На твоём месте я не стал бы изображать траву чересчур детально, чтобы не отвлекать внимание от листвы... Впрочем, это твоя интерпретация, руководствуйся интуицией».

Гил послушно кивал, не вникая в смысл наставлений. Отложив стамеску, он выпил вина – сегодня работать над ширмой он больше не мог. Обычно разговор завязывал Гил, а отец в основном слушал. Теперь они поменялись ролями. Амианте обсуждал приготовления к ужину: «Морская капуста вчера показалась мне какой-то несвежей. Что ты думаешь о салате

из плинчета – допустим, с горсткой орехов и кусочками сыра? Или больше подойдет хлеб с бужениной? Все это не так уж дорого».

Гил сказал, что предпочитает хлеб с бужениной, и Амианте послал его в лавку. Уходя, Гил обернулся и к своему испугу и огорчению заметил, что отец тут же занялся изучением конструкции жалюзи, открывая их и закрывая, примеряя к окну, подтягивая то за один угол, то за другой.

После наступления темноты Амианте снова дублировал документы, но на этот раз он плотно закрыл жалюзи и подогнал шторы к оконной раме. Полоски света больше не мелькали на мостовой – агент, проходивший ночью по площади, ничего бы не заметил.

Гил отправился спать в отвратительном настроении, благодаря судьбу только за то, что теперь отец – раз уж он твердо вознамерился нарушать правила – по меньшей мере принимал какие-то меры предосторожности.

Глава 6

Несмотря на предосторожности, крамольная деятельность Амианте была обнаружена – к несчастью не Эльфредом Коболом, в какой-то степени разделявшим отношение Амианте к окружающему миру, в связи с чем он мог бы удовлетвориться яростным неофициальным выговором и последующим неотступным наблюдением, а делегатом гильдии Эллисом Воллегом – маленьким пронырливым субъектом с желтушным совиным лицом человека, страдающего хроническим расстройством пищеварения. Производя очередную инспекцию инструментов Амианте и условий изготовления продукции, Воллег приподнял обрезок дерева и нашел три неудачные копии древней карты, неосмотрительно забытые рассеянным мастером. Сперва Воллег всего лишь нагнулся, чтобы рассмотреть бумаги, и нахмурился – его раздражало, что Амианте не наводит порядок и хранит посторонние карты вместе с оборудованием и материалами гильдии. Но как только он догадался, что перед ним свидетельство дублирования, делегат издал удивленно-саркастическое восклицание тонким, почти детским голоском. Амианте, убиравший стружку и приводивший в порядок инструменты с другой стороны верстака, поднял голову – брови его взметнулись от испуга и отчаяния. Гил застыл, сидя на табурете.

Глаза Воллега блеснули за стеклами очков. Он обратился к Амианте: «Будьте добры, свяжитесь по Спэю с агентством социального обеспечения – немедленно».

Амианте покачал головой: «У меня нет аппарата».

Воллег прищелкнул пальцами в сторону Гила: «Сбегай-ка, парнишка, позови агентов Собеса. Шустро!»

Гил приподнялся было из-за верстака, но тут же сел: «Никуда я не пойду».

Эллис Воллег не стал тратить время на препирательства. Он подошел к двери, окинул взглядом площадь и быстрым шагом направился к общественному терминалу Спэя.

Как только Воллег скрылся за дверью, Гил вскочил на ноги: «Быстрее! Спрячем остальное!»

Неспособный к действию, Амианте стоял как вкопанный.

«Быстрее! – прошипел Гил. – Он скоро вернется!»

«Куда я все это дену? – бормотал Амианте. – Они весь дом обыщут».

Гил промчался вверх по лестнице в кабинет, вытащил оборудование отца, набил коробку мусором и обрезками, а трубку с объективом заполнил отделочными гвоздями и скобками, после чего выставил оба предмета на виду, рядом с ящиками для отходов. Блок питания и лампы, испускавшие голубой свет, спрятать было труднее, но Гил решил эту задачу, выбежав на задний двор и перекинув их через забор на заваленный мусором пустырь.

Поначалу Амианте наблюдал за сыном мрачным, потускневшим взором, но вскоре, будто пробужденный какой-то мыслью, взбежал вверх по лестнице. Он успел спуститься в мастерскую за несколько секунд до возвращения Воллега.

Воллег произнес напряженно и размеренно: «Строго говоря, в мои обязанности входит исключительно проверка соблюдения устава гильдии и требований к изготовлению продукции. Тем не менее я – должностное лицо, выполняющее общественные функции, и в качестве такового выполнил свой долг. Кроме того, хотел бы довести до вашего сведения, что мне стыдно за вас и за гильдию. Дублированные материалы, несомненно поступившие из нелегального источника – в мастерской резчика по дереву!»

«Да-да, – промямлил Амианте. – Для вас это, должно быть, тяжкий удар».

Воллег, державший в руках дублированные карты, пригляделся к ним и с отвращением буркнул: «Как это к вам попало?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.